

Робин, закрой глаза

Наталья Минская

Наталья Минская
Робин, закрой глаза

«У Никитских ворот»

2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Минская Н.

Робин, закрой глаза / Н. Минская — «У Никитских ворот», 2016

ISBN 978-5-00095-260-3

«Робин, закрой глаза» — первая книга серии о подростках, выросших в мире чёрных и белых городов Республики Рыцаря Солнца. Они попадают в тайный лесной лагерь под названием Рубикам. Их ждёт обучение магии времени и элементов, испытания в Лабиринте Стихий, песни у костра и сражения с монстрами. Преодолевая себя и нарушая правила, герои будут искать путь к истине: что скрывает разрушенная башня, которую называют Ночником, и почему надо помнить о крысах.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-260-3

© Минская Н., 2016
© У Никитских ворот, 2016

Содержание

СХЕМА РЕСПУБЛИКИ РЫЦАРЯ СОЛНЦА:	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Минская

Робин, закрой глаза

*Ты много успел, но всё же послушай, тут дело не в крыльях,
тут дело в корнях.*

Д. Арбенина

© Минская Н.А., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

Вы держите в руках книгу, в которую поверили очень многие люди. И не просто поверили, а стали её издателями. Вот они, мои близкие, друзья и те, кого я не знаю, но буду рада подружиться. Это добрые волшебники, которым я посвящаю эту книгу.

Лилия Абубекарова, Вера Агринская, Михаил Алексеев, Евгений Андреев, Виктор и Юлия Анищенко, Екатерина Антонова, Юлия Архарова, Мария Баранова, Артём Берсенов, Александр Бируля, Юлия и Николай Бриккер, Анна Бобровская, Денис и Мария Боковы, Дмитрий и Ирина Боковы, Илья Болотов, Александр Бреев, Наталья Бриккер, Кирилл Бурика, Анна Бькова, Анна Василевская, Алексей Вердесие, Анна Веселкова, Лилия и Ева Виноградовы, Светлана Воронина, Людмила Ганенко, Анна Головачёва, Анна Горбунова, Ольга Горегляд, Дарья Гревцова, Илья Громов, Виктория Грайс, Ульяна Гуреева, Марк Давыдов, Ян и Светлана Дёмины, Карина Евстропова и Саша Заушицын, Елизавета Жаворонок, Хулербен Кадыгоол, Анна Карпова, Анастасия Кривоносова, Сергей и Александра Коньшиевы, Азат и Евгения Фатыховы, Евгений Ильинов, Иван и Ася Истомины, Иван Кавтарадзе, Екатерина Карсакова, Евгений Климов, Кирилл Кожевников, Мария Косянина, Галина и Даня Крапоткины, Владимир и Дарья Кузьмины, Ольга Курепина, Мария Куторга, Анастасия и Вячеслав Лязниковы, Ирина и Семён Маинские, Анна и Антон Матрёнины, Сергей Маяцкий, Светлана Митина, Елена Михалина, Жанна Мусатова, Мария Пилепенко, Светлана и Максим Пискарёвы, Елена Полякова, Анна Приемская, Ольга Смирнова, Инна Омельченко, Юрий Осадец, Алексей Осипов, Галина Ординарцева, Юлия Репутацкая, Наталья Рождественская, Елена Свиркина, Ирина и Илья Симоновы, Анна Синельникова, Елена Саница, Роман Сохно, Настя Стрижова и Андрей Фрик, Андрей Тарасов, Марта Торопина, Артём Усачёв, Азат и Евгения Фатыховы, Валентина Фёдорова, Анна Федосова, Екатерина Фомина, Аня Хабарова, Дмитрий и Анна Черницыны, Мария Чернухо, Наталья Чиняева, Катя и Егор Чиркуновы, Нина и Виктор Шараповы, Катя и Лев Шараповы, Екатерина Шестакова, Светлана Яковлева.

Во время написания книги неоценимую поддержку оказали:

Егор Мелентьев, который хвалил и критиковал, и критиковал, и критиковал, и немного хвалил, и обещал мировую славу, и ещё немного критиковал;

Анна Головачёва, чей читательский опыт настолько внушителен, что я поверила в себя как в автора только потому, что она ждала продолжения. А однажды она прислала мне чудесные рисунки, которые стали частью книги;

Ольга Горегляд – мастер по вдохновлению одиннадцатой степени;

Екатерина Чиркунова. Профессиональный психотерапевт и чуткий читатель, она помогла не отступить от правды человеческих отношений.

В продвижении проекта по совместному изданию мне помогли:

Настя Лязникова, которая создала дизайн очень заманчивых рекламных материалов;

Катя Мартынова сделала 3d-макет книги;

Ксения Тимофеева – продюсер, режиссёр, звукооператор и монтажёр атмосферного буктрейлера.

В съёмках участвовали: *Фёдор Тимофеев, Антон Нетреба, Полина Чиякина, Максим Макаров, Кирилл Самойлов, Валерия Рябова. Ребята, спасибо вам огромное.*

Я отдельно благодарю свою большую и прекрасную семью: маму и папу Татьяну и Александра Панфиловых, вторую маму Марину Минскую, дядю Сергея Стройкова, братьев Никиту и Андрея Панфиловых, их жён Свету и Олю. Мою племянницу Варю и моего сына Даню, которые стали первыми слушателями книги.

Мне очень-очень повезло, что у меня были лучшие бабушки, Наталья и Рая.

А без тебя, Марк, ничего бы не было.

А твоя улыбка, Даня, – моё вдохновение.

СХЕМА РЕСПУБЛИКИ РЫЦАРЯ СОЛНЦА:

	a	b	c	d	e	f	g	h	
8	Торемная	Телеграфская	Строительная	Металлургическая	Электростанционная	Пищевая (Консервная)	Вагоностроительная	Оружейная	8
7	Приборостроительная	Химикофармацевтическая	Деревообрабатывающая	Машиностроительная	Сельскохозяйственная	Текстильная	Алкогольная	Больничная	7
6									6
5				поля					5
4				и					4
3				пастбища					3
2	Патрульная	Мебельная	Ювелирная	Кулинарная	Фермерская	Учебно-инженерная	Державная	Игровальная	2
1	Курортная	Модельно-дизайнерская	Архитектурная	ТВ-клетка	САХУБИ-СТОН	SPK-клетка	Клиническая	Идеологическая	1
	a	b	c	d	e	f	g	h	

Глава 1

Никогда не забывай цвет глаз своей прекрасной дамы

На чёрный город Н8 опускалась первая летняя ночь. С высокого безоблачного неба Луна щедро дарила миру свой блёкло-жёлтый свет. Раздавались нестройные выстрелы. Кто-то закричал. Голос, исполненный боли и страха, сменил другой, торжествующий. Восстание против Рыцаря Солнца продолжалось.

По пыльной улочке между двумя глухими заборами, огибая оставшиеся от баррикад мешки и коробки с землёй, шла высокая женщина в зелёном платье. Изящные плечи укрывала мягкая серебристая шаль. Между плавными бровями женщины обозначились две тонкие морщинки. Казалось, она нисколько не боится выстрелов. Более того, женщина как будто вовсе не слышала нарастающей стрельбы, потому что её мысли занимали гораздо более важные вещи, чем собственная жизнь, а точнее, смерть.

– Слишком ясно, слишком ясно... Почему именно сегодня? – шептала она.

Перейдя широкую улицу с трамвайными путями, женщина оказалась перед покосившейся вывеской бара «Лунатик» с двумя тусклыми лампочками в мигающей луне. У входа её ждал мужчина.

– Мэрил, я разочарован. На встречи с Крысоловом не опаздывают. Я собирался уходить, – глухо сказал он.

– Добрый вечер, сэра Крысолов. Для начала стоит поздороваться с дамой, – Мэрил протянула мужчине руку в ажурной перчатке. На её губах заиграла очаровательная улыбка. Все тревожные мысли мгновенно исчезли с прекрасного лица с большими зелёными глазами и высоким лбом. – Я смотрю, вы сменили имидж. С повязкой вам... как бы сказать... гораздо эффективнее.

Мужчина был страшен. Огромный рост, ссутуленные плечи, бугристый шрам наискосок через лицо, вязаная, как будто натянутая наизнанку шапка и выцветший шарф, нелепые и пугающие летней ночью. А в довершение образа – повязка на правом глазу. Жители Республики Рыцаря Солнца не могли точно сказать, сколько лет Крысолов, правая рука правителя, борется с преступностью, казнит революционеров, пытается свидетелей, врывается в дома посреди ночи и уводит людей навсегда. Как будто целую вечность.

Ничего не ответив и даже не вынув рук из карманов куртки, мужчина отвернулся и вошёл в дверь под вывеской. Мэрил про себя обрадовалась тому, что Крысолов не стал целовать ей руку. От одной мысли о его прикосновении пробирала дрожь. Плотнее завернувшись в шаль, она зашла в бар и стала спускаться по щербатой лестнице навстречу пятну тёмно-оранжевого света.

– Кофе мне можно не заказывать, – сказала Мэрил сторбленной спине мужчины. – Предлагаю обсудить наши дела и расстаться, как всегда, добрыми, хорошими незнакомыми.

Внутри бар «Лунатик» оказался просторным и уютным залом с потолком-куполом, расписанным под звёздное небо. Крысолов подошёл к столику в слабо освещённом углу, снял куртку и сел. Мэрил, повесив шаль на вешалку, заняла стул напротив.

– Слушай и смотри внимательно, – начал Крысолов, как только её глаза оказались напротив его лица. – В эту ночь возьмут Локсли.

Мэрил, не выдержав его взгляда, отклонилась на стуле:

– Как бы не так! Локсли в безопасности. – И добавила игриво: – Да вы меня провоцируете, сэр Крысолов!

– Я сказал, слушай и смотри, – мужчина сделал едва уловимый жест у своей груди. Мэрил как будто подтолкнули в спину, заставив приподняться со стула и нависнуть над столом. Её глаза сузились в щёлочки. И вдруг в испуге округлились.

– Молодец, девочка, – довольно произнёс Крысолов. – Я всегда знал, что ты умнее, чем выглядишь.

Мэрил не обратила внимания на его слова. Она заворожённо смотрела на кулон, свисавший с мускулистой шеи, замотанной шарфом. Больше всего он был похож на часы, жившие по своему собственному, никому не ведомому времени. Под стеклом двигались десятки крохотных золотых шестерёнок, но вместо стрелок спиралью закручивался белоснежный туман. В книгах писали, что если долго вглядываться в самую сердцевину глазка, так назывался кулон, то можно познать самую суть времени. А потом забыть и познанную суть, и своё собственное имя.

– Не смотри так долго, – Крысолов сжал кулон в гигантском кулаке.

– Так значит, ты... – шёпотом проговорила Мэрил.

– Пришёл из будущего? Да. И собираюсь изменить время? Да. Всё как в книжках, которые чёрт знает почему у вас ещё не отобрали.

– То есть ты...

– Да, я не настоящий Крысолов из этого времени.

Этот Крысолов сейчас возьмёт Бонни и Лана Локсли и убьёт их дочь. Я тот Крысолов, который пришёл из будущего, чтобы спасти Робин Локсли. Да перестань же глазеть на эту штуку!

Мэрил встряхнула головой.

– Да, я слушаю. Но кто предал Бонни и Лана?

– Ваши, волшебники, шайура их раздери! Дальше сами разберётесь. Не затем я здесь. Ты должна спасти Робин. И взять её в Рубикам. Через одиннадцать лет из клетки Н8 в Рубикам попадут три человека. Повтори.

Мэрил повторила:

– Три человека, Рубикам, через одиннадцать лет. В том числе Робин Локсли. Но Крысолов назначил мне встречу, чтобы обсудить вывод войск Рыцаря Солнца из чёрных городов! То есть... А сам... арестует Локсли! Он... Ты обманул меня! Мы могли победить!

– Не я обманул, а он. То есть да, я. Но давно. Теперь я всё-таки пришёл на нашу встречу. Локсли спасти не получится, а их дочку, если поторопишься...

Крысолов резко поднялся, задев головой потолок, надел куртку, ссутулил плечи и направился к выходу.

Мэрил, забыв свою шаль, последовала за ним.

Тёплый ветер сладковатым ароматом встретил их на пустынной улице. Крысолов застегнул куртку на все пуговицы. Может, чтобы скрыть кулон, может, оттого, что его била крупная дрожь.

– Тебе пора. Через тридцать минут я убью Робин

Локсли, – сказал мужчина.

Мэрил не могла оторвать от него глаз.

– Чего уставилась? Беги! У тебя тридцать минут, а ты ещё и опоздала на встречу, – злился Крысолов.

– Я успею. А вы, сэр рыцарь, могли бы и поцеловать даме руку на прощание, – женщина снова стала собой.

Крысолов опустился на одно колено и прикоснулся обветренными губами к руке в кружевной перчатке.

Потом поднялся, развернулся и, пружиня на огромных ногах, пригибаясь, как будто боясь задеть макушкой звезды, пошёл навстречу тёмному провалу улицы.

В единственном глазе отражалась луна. Его так давно никто не называл рыцарем.

* * *

Мэрил смотрела вслед Крысолову, пока тот не растворился в пыльной темноте. Где-то совсем рядом разразилась ожесточённая перестрелка, что-то взорвалось. В синем небе вспыхнули багровые отблески. В руке у женщины остался клочок бумаги с несколькими строчками корявых букв. Мэрил изящно вложила два пальца в рот и оглушительно свистнула.

– А вы научите меня так свистеть? – спросил моментально оказавшийся рядом лохматый мальчик лет одиннадцати.

– И меня! – подхватил его полный веснушчатый друг.

Мэрил строго посмотрела на них:

– Ромул и Луи, мои верные рыцари. Вам предстоит спасти одну маленькую принцессу. Крысолов нашёл квартиру Локсли.

– Но кто их сдал? – вырвалось у лохматого.

– Ромул, не перебивай! И причешишь, потом, как совершишь подвиг. Итак, ваша задача – забрать девочку. Всё. Точка. Никого не убивать. Никого больше не спасать. Вот, прочитаете по дороге. – Мэрил передала Луи записку от Крысолова.

– Разрешите исполнять? – хором спросили мальчишки.

Мэрил коротко кивнула. «Юные рыцари» достали из ближайших кустов велосипеда, и серебристые спицы замелькали вдоль трамвайных путей. Выстрелы слились в один мощный трескучий хор.

Завернув за угол, Мэрил пошла вдоль длинного грязно-серого четырёхэтажного дома с маленькими квадратными окошками. От края крыши свешивались каменные изваяния безобразных химер. Горожан убеждали, что их разинутые пасти необходимы для слива воды в дождь. Но никто в это не верил. Мэрил взглянула на неподвижные морды чудовищ и пальцем указала наверх. Статуи послушно уставились в звёздное небо.

Волшебница зашла в последний от дороги подъезд, поднялась на четвёртый этаж и отрывисто постучала в бордовую дверь справа от лестницы. В ответ щёлкнул замок, будто кто-то весь вечер стоял у входа, ожидая гостя. Дверь открыл пожилой мужчина в ветхом халате с усталым лицом.

– Кальвин, – забыв поздороваться, тихо и быстро заговорила Мэрил, – твою дочь и её мужа взял Крысолов. Пойдём, заберёшь Робин. Теперь о ней заботишься ты.

Морщины на лбу Кальвина за долю секунды стали глубже. Лицо посерело. Рот искривился. Старик опёрся о стену.

– Кальвин, будь мужчиной. Оденься и выйди на улицу. Я жду тебя внизу.

Мэрил не спеша, опираясь на облупившиеся перила, спустилась по лестнице. Возле подъезда она села на дощатую затёртую лавку.

Женщина смотрела на улицу вдаль, по которой уехали два мальчика на велосипедах, и думала. Думала о восстании чёрных городов, которое закончится после ареста Бонни и Лана триумфом Рыцаря Солнца. Ей было стыдно за таких, как она, волшебников, которые испугались и не сделали всего, чтобы помочь чёрным городам. Она размышляла об угасающей магии, о монстрах в лесах, с которыми ей предстоит бороться всю свою жизнь, а также о монстрах в столице Сакринстоне – таких, как Крысолов, которые не остановятся, пока не избавят мир от «опасных колдунов». Мэрил думала о времени. О великой магии времени, которая считалась навек утраченной. Сегодня переломный день в истории её мира. 1 июня 88 года. К ней пришёл рыцарь из будущего. Это звучало бы романтично, если бы это не был Крысолов.

В островок света от единственного во дворе фонаря въехали два мальчика на велосипедах. Мэрил встала. Ромул аккуратно затормозил, поставил велосипед на подножку и отстегнул от багажника корзину.

– Всё как в записке с ужасным почерком, – запыхавшись, начал рассказывать Ромул. – Крысолов спустился с Бонни и Ланом. Услышал крик ребёнка. Поднялся. Но малышка уже была спасена доблестным рыцарем!

– Рыцарями, – поправил Луи.

– Ну да, в общем, спасена. А что будет с её родителями? – спросил Ромул.

Мэрил отвела глаза. Ей не хотелось даже думать об этом.

– Вы герои, даже ещё не представляете, какие! – торжественно произнесла она.

Из подъезда вышел Кальвин. Ромул прижал корзину к себе.

– Я не отдам ему Робин!

Мэрил улыбнулась:

– Ромул, тебе одиннадцать. Пора научиться забывать старые обиды.

– Вот именно! Одиннадцать! Я смогу позаботиться о маленькой девочке! Я же жил рядом, играл с ней каждый день. Бонни научила меня ухаживать за маленькими детьми. Я справлюсь!

Мэрил посмотрела на Кальвина. Казалось, он не был способен ни на какие эмоции. Ему, как никому сейчас, нужна внучка, чтобы справиться с обрушившимся горем.

– Ромул, это приказ. Отдай девочку Кальвину.

Мальчик поставил корзину на землю и повернулся к ней спиной, скрестив руки на груди.

От света фонаря девочка открыла глаза.

Мэрил наклонилась над ней.

– Ты только посмотри! Скорей, Ромул! Что у неё с глазами?

Ромул резко развернулся и заглянул в лицо малышке.

– Вот это да! У неё же глаза были зелёные! Нет, голубые... нет, всё-таки зелёные.

Мэрил обернулась к пожилому мужчине.

– Кальвин, давно у девочки разные глаза?

Кальвин пожал плечами, взял корзину и зашёл в подъезд. В свете фонаря остались стоять высокая женщина и два мальчика.

– Ромул, пообещай мне, что не будешь навещать Робин, – произнесла Мэрил.

– Но...

– Я не знаю, что произойдёт завтра. Может быть, её родителей публично казнят, может, что ещё похуже придумают. Но то, что о каждом шаге Робин Локсли будут знать в Сакрин-стоне, – это точно. Она – ниточка, которая выводит к мятежникам. Она – орудие давления на Лана и Бонни Локсли, если их оставят в живых. Она – кто угодно, но только не просто девочка, к которой можно прийти в гости и обсудить общих знакомых. Так ты обещаешь? Ромул, это только для того, чтобы Робин осталась жива.

– Я пообещаю, если вы дадите мне слово, что она поедет в Рубикам, – твёрдо сказал Ромул.

– Через одиннадцать лет Робин Локсли поедет в Рубикам. Даю слово, – мягко ответила Мэрил.

– И я обещаю не ходить к ней в гости и не обсуждать общих знакомых.

– А что означают разные глаза? – неожиданно спросил Луи.

– Никто толком не знает. В книгах пишут, что когда появляются люди с разными глазами, мир ждут большие перемены – хорошие или страшные, счастливые или катастрофические.

– Куда уж хуже, – буркнул Ромул. – Взяли Локсли. А кто их предал, вы так и не сказали.

– Это не важно, – уклончиво ответила Мэрил.

– А что же тогда важно? – с надрывом спросил Ро-мул. От желания заплакать у него уже сводило горло.

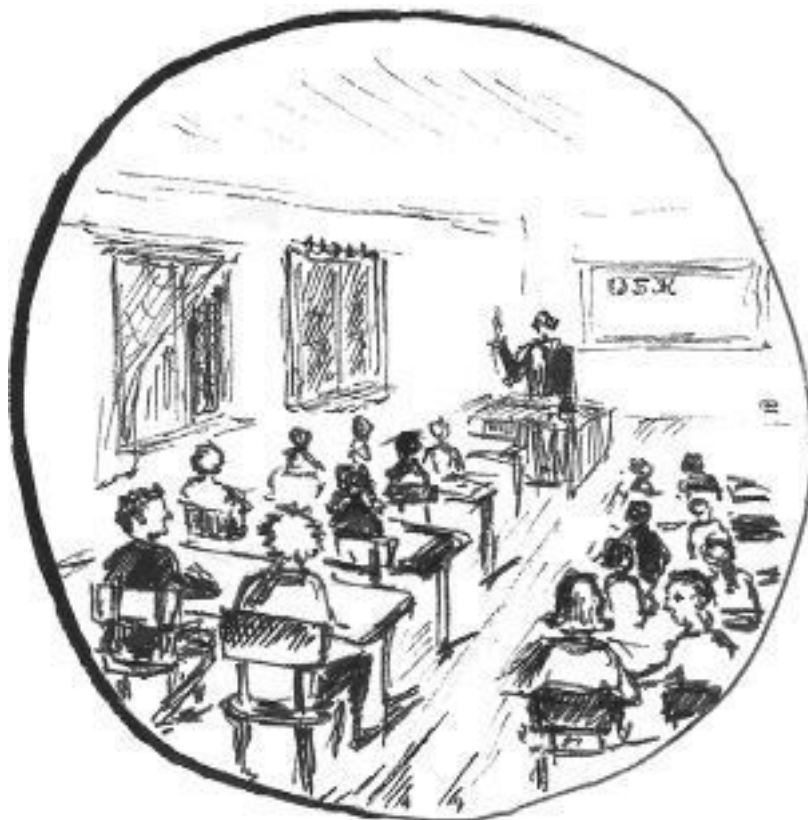
– А важно... мальчики мои... – Мэрил печально улыбнулась и взъерошила им волосы. – Никогда не забывать цвет глаз своей прекрасной дамы.

Выстрелы всё реже прорывались сквозь тишину первой летней ночи. Небо начало пред-рассветно светлеть.

Весть о том, что схватили Бонни и Лана Локсли, разнеслась по городу. Но некоторые, пусть их было очень мало, тихо передавали друг другу, что у их дочери, Робин, разные глаза. И это, как сказала Мэрил Ливанкур, что-то да значит. Мальчишки, что с них взять.

Глава 2

Урок ОБЖ

– Добрый день, дети, прошу садиться, – начал урок мистер Вурст. – Ну что ж, последний урок, контрольная позади. Чем бы нам с вами заняться? Разбором ошибок? Скучно! Те, кому это интересно, и так всё поймут, а кому не надо – останутся на своём убогом уровне. Тэкс-тэкс-тэкс... А может, вы заслужили, нет, конечно не все, но вот Робин Локсли точно заслужила, чтобы я рассказал что-нибудь действительно интересное. Нет-нет-нет – не из учебников! А из реальной жизни – про самых что ни на есть реальных монстров!

Мистер Вурст был преподавателем охраны безопасности жизнедеятельности в школе № 14, где училась Робин Локсли. ОБЖ считался самым важным предметом от детского сада до университета. Ведь мир угрожал убить всякого, кто не будет исключительно осторожен. Это была любимая фраза мистера Вурста, и никто, пожалуй, уже не воспринимал её всерьёз. Но когда учитель посулил настоящие истории про монстров, дети сложили руки перед собой и вытянули шеи. Даже Роб, сосед Робин по парте, заинтересовался. Взгляд его серо-коричневых, цвета горького кофе, глаз был устремлён на мистера Вурста. Робин невольно засмотрелась на то, как тусклый солнечный свет из окна пробивается сквозь взъерошенные соломенные волосы мальчика. Но, опомнившись, заставила себя отвернуться.

Когда отводишь глаза от светлого прямоугольника окна, то первые несколько секунд комната кажется поплёкшей, бесцветной и даже ненастоящей. Для Робин таким был целый мир. В радужные цвета она окрасила свои заветные мечты. А ещё ей нравились картины, которые Роб рисовал в своём альбоме. Но он загоразивался от неё, ясно давая понять, что зрители ему не нужны. Их посадили вместе в начале года. Мальчик, видимо, боялся попросить избавить его от такой знаменитости рядом, как Робин Локсли. Девочка зачастую чувствовала открытую неприязнь Роба, но никогда и ничего не просила, чтобы не вызвать лишних вопросов.

– Сам я за ограду не хожу, мне жизнь дорога, – начал мистер Вурст. – Но у меня есть товарищ из лесного патруля. Так вот, после того, как я с ним встречаюсь, у меня ещё неделю глаз дёргается.

Мистер Вурст, долговязый мужчина с бесцветными выпуклыми глазами, сделал паузу и привычно оглянулся в угол у входа в класс.

– Так вот, шёл мой товарищ, Гримли, однажды по лесу, – продолжил учитель. – Обычно, говорит, тихо, ведь монстры не дураки – знают, что патрульные хорошо вооружены, – прячутся. И тут, говорит, вижу – грибы растут кругом. Робин Локсли, что это значит?

Робин знала о его привычке внезапно спрашивать и уже подготовила ответ:

– Ведьмы-шайуры, мистер Вурст.

– Умница, Робин, – учитель ещё раз обернулся назад, и его глаза наполнились участием. – Твоя контрольная, кстати, лучшая. Родители будут тобой гордиться. Мы обязательно отправим им копию.

Робин почувствовала в горле тугой комок. Бежевые стены класса поплыли перед глазами. Как ни старалась девочка, у неё плохо получалось сдерживать эмоции, когда кто-то говорил ей о маме и папе. Живые легенды, герои борьбы с восстанием – Боннита и Ланис Локсли, отмеченные орденом Рыцаря Солнца первой степени. Их почти каждый день показывают по телевизору. Но они живут в самой лучшей белой клетке – столице Сакринстоне, а Робин – в чёрной клетке Н8. Каждый гражданин Республики Рыцаря Солнца должен заслужить право жить в белом городе.

На самом деле Робин очень повезло. У большинства детей чёрных клеток не было надежды даже в далёком будущем переехать в одну из белых клеток, не говоря уже о столице. Семьи её одноклассников, только если сложат все свои накопления, смогут осчастливить одного-единственного ребёнка через два поколения. А всё, что требуется Робин, – набрать 21 900 сольдов. И она старается изо всех сил. Поэтому сейчас девочка с трудом овладела собой и подавила слёзы. Бессонная ночь в госпитале сиделкой давала о себе знать. Но зато она на тридцать сольдов ближе к мечте. Робин сильно сжала зубами губу и вернулась в реальность. А мистер Вурст продолжал:

– ...и видит: из темноты между деревьями входит в поганковый круг девушка в кружевном сером платье. Голова опущена. Серые длинные волосы, серые глаза, слёзы на ресницах. Не оторваться. И жалко её так, аж сердце сжимается. А мой друг, Гримли, он не из хлюпиков. То есть если ведьмины чары на него подействовали, то это уж я не знаю! Она, девушка, поднимает глаза, Гримли забывает обо всём на свете и шагает навстречу, но тут шайура открывает рот... А что у них во рту, Марго?

– Эээ... мистер Вурст, я забыла.

Марго была красивой, с крупными чертами лица, рослой девочкой. Она умела драться, и все мечтали с ней дружить. Но её сольды не обещали ей ничего выдающегося. Если повезёт – место официантки в баре «Лунатик». Марго терпеть не могла Робин, и, конечно же, остальные дети следовали её примеру.

– А на контрольной тоже забыла? – строго спросил учитель и картинно вздохнул. – Ну что ж, Робин, тебе вновь придётся отвечать.

Весь класс с презрением смотрел на неё, но Робин привыкла к этому. Мнение других детей никак не влияло на количество сольдов.

– Три ряда маленьких острых зубов, учитель.

– И только когда шайура открыла рот, – подхватил мистер Вурст, – чтобы своим криком разорвать патрульного на куски, мой товарищ догадался включить музыку в наушниках. Это средство защиты, кстати, разработано мною лично, – и снова мистер Вурст бросил взгляд через плечо в угол над дверью. – Так что благодаря мне Гримли теперь жив, здоров, работает в городском патруле. Кстати, почему, Роб?

Робин скосила глаза. В альбоме Роба появился ещё один рисунок, но он закрывал его рукой.

– Мистер Вурст, но у шайур молниеносная реакция.

Ваш друг не успел бы даже первого ряда зубов заметить, – сказал Роб.

– Что ты имеешь в виду, Роб? – учитель наморщил лоб.

– Только то, мистер Вурст, что если бы шайура хотела кого-то убить, то сделала бы это сразу же.

Но преподаватель не собирался ничего обсуждать:

– Вы не ответили на вопрос. Я жду.

Повисла пауза. Роб отвернулся к окну. Рыбы глаза мистера Вурста недобро сузились, но, обратившись к Робин, приветливо распахнулись.

– Робин Локсли, спасай этот безнадёжный класс.

– Шайуры, если... – она отвернулась от Роба к учителю, – если и захотят кого-то убить, то обязательно найдут его потом и сделают это. Вашему товарищу нельзя было оставаться в лесном патруле. Ему нужна надёжная защита стен нашего города.

– Ох, Робин, я даю тебе десять сольдов за этот урок.

Да благословит тебя Рыцарь Солнца! – эти слова мистер Вурст откровенно сказал дверной ручке, а потом резко обернулся к Робу. – Кстати, Роб, смотреть на меня, когда я говорю! – почти зарычал учитель, отчего половина детей в классе слегка подпрыгнула на своих местах. Роб не спеша повернул голову. – Ты в контрольной не ответил на самый лёгкий вопрос. Думаю, тебе стоит знать то, что знает даже ребёнок в детском саду. Животных людям заводить запрещено, потому что: А – многим людям не хватает еды, чем кормить собак? Б – каждое животное – это монстр, сегодня спящий, а завтра – раздирающий вас на части. В – уход за животными отвлекает от нашего главного предназначения – служения людям и Рыцарю Солнца. К завтрашнему дню жду от тебя исписанную этими словами тетрадь в двадцать восемь листов. Понял меня?

– Да, мистер Вурст, я вас понял, – ответил Роб.

Учитель ещё несколько секунд смотрел на мальчика, а потом, резко переведя взгляд на Робин, распластал губы в улыбке.

– Робин, дорогая, поможешь мне раздать контрольные?

Девочка взяла с учительского стола стопку листов.

Она старалась не смотреть на сольды, которые ребята заработали этой контрольной, но цифры сами выпрыгивали перед глазами: пять – три – восемь – максимум девять. Сердце у Робин заколотилось. По расчётам, ей необходимо получить тридцать сольдов. Она всё спланировала: если каждый день зарабатывать в среднем по шестьдесят сольдов, то на следующий День Рождения они с дедушкой переедут в Сакринстон к родителям. Даже в мелочах, в контрольных, в дежурствах, в улыбках патрульным – ни в чём нельзя оступаться. Собыешься, упustiшь мечту и навсегда останешься в чёрной клетке. И тут девочка увидела заветную цифру тридцать под именем Робин... хотела положить к себе, но Роб вырвал у неё лист.

– Всё посмотрела? Разрешешь мне теперь?

Точно, у него тоже полное имя Робин, да и фамилия такая же. Многие семьи ещё давным-давно выбрали фамилию Локсли в честь героя рыцарских времён. Робин думала, что мальчику вряд ли нравилось, что из-за неё его называют не полным именем, а каким-то обрубок, чтобы не путаться. А ещё она иногда по вечерам видела, как он куда-то ездит с Марго на трамвае. Видимо, не раз по дороге обсуждали заносчивую всезнайку Робин Локсли.

Но грустные мысли рассеялись, как только Робин увидела свою работу: пятьдесят сольдов!!! Девочка с силой сжала глаза. Мечты о родителях, встрече с ними обрушились на неё.

– Зубрила разноглазая, – услышала Робин за спиной. Мистер Вурст вышел из класса, и Марго могла наконец отомстить. Одноклассники застыли в ожидании интересного зрелища.

– Камера ещё снимает, – спокойно сказала Робин.

Марго посмотрела туда, куда весь урок оглядывался учитель, и перешла на шёпот:

– А мне нечего терять. А вот мамочка и папочка увидят свою девочку с изуродованным личиком. Не сегодня, Робин, а когда останется всего какая-то сотня сольдов. Через год мы тебе устроим самые трогательные провода.

Робин резко развернулась, сделала шаг, попала на подставленную кем-то подножку, поднялась и под дружный хохот выбежала из класса.

* * *

Спустившись с крыльца школы, Робин пошла по узкой пыльной улочке между двумя заборами детских садов. Небо к обеду, как всегда, затянуло облаками. За одним из заборов цвела черёмуха. Сладковатый запах разносился холодным майским ветром и кружил голову. Деревьев в чёрных городах почти не осталось, потому что в них могли укрыться монстры. Только в некоторых детских садах за высокими заборами. Робин так их и запомнила – один с черёмухой, второй с ёлкой, третий с берёзой. Её часто переводили из одного детского сада в другой. Дети не упускали ни единой возможности поколотить Робин, а она забиралась от них на деревья и сидела там до прихода бабушки. Когда девочка научилась говорить, то первым делом спросила его, почему её бьют. Бабушка так и не научилась говорить, а может, уже разучилась. Но они с внучкой прекрасно друг друга понимали без слов. Бабушка показал ей энциклопедию Республики Рыцаря Солнца. Там была статья о родителях девочки. Робин пришлось быстрее учиться читать, чтобы узнать правду:

***Боннита и Ланис Локсли** – герои, отмеченные орденом Рыцаря Солнца первой степени за неоценимую помощь в подавлении восстания чёрных городов в 87–88 годах О. О. Р Р С.¹ В течение двух лет считались предводителями сопротивления, поставляя оружие во все клетки из оружейной Н8. Так благодаря их хитроумным действиям были выявлены практически все мятежники чёрных городов. Через два года от начала восстания Боннита и Ланис выдали сэру Крысолову около двух тысяч самых яростных и коварных врагов Рыцаря Солнца и нашего народа. Подумать только, как бы повернулась наша история, если бы не Локсли! Сколько бы ещё граждан с затуманенными головами погибли в бессмысленной борьбе! А если бы бунтовщики осуществили свою самую отчаянную идею: разрушить ограду и впустить в города монстров? Да мы бы захлебнулись в собственной крови! Каждый день в своих молитвах к Рыцарю Солнца мы обязаны прославлять Бонниту и Ланиса – граждан, подавших пример истинной преданности Рыцарю Солнца и нашему всеобщему солнечному будущему, когда все города станут белыми.*

Интересный факт: в чёрном городе Н8 у Бонниты и Лана осталась дочка (также, как и у других героев РРС, например у Софокла и Селестины Гривстоун). Когда они переехали в Сакринстон, ей исполнился один год.

«Это лучшее, что мы могли подарить нашей Робин, – надежду. Ведь теперь, если она будет умницей, ей не составит труда на свой тринадцатый День Рождения переехать к нам в Сакринстон и поступить в Университет», – признались Бонни и Лан в одном из интервью.

Граждане! Это пример истинной справедливости Рыцаря Солнца! Каждый гражданин его Республики должен заслужить право жить в лучшем мире.

Робин давно выучила эту статью наизусть. Она прибавляла ей сил, толкала вперёд, когда хотелось только рыдать в подушку. Сейчас девочке нужно было поскорее добраться до дома и выспаться. Вечером предстояло выучить уроки и отправиться на ночное дежурство в госпиталь.

¹ От Основания Республики Рыцаря Солнца.

Робин дошла до конца узкой улочки между двух заборов, перешла через дорогу с трамвайными путями и свернула налево – мимо бара «Лунатик». Её дом стоял торцом к дороге. Он ничем не отличался от сотен других домов чёрных городов – пятиэтажных, серых, длинных, с маленькими мутными окнами. Они бесконечными квадратами располагались вокруг заводов, где в основном работали их жители, поставляя что-то важное для всей страны. Клетка Н8 – оружейная, хотя в ней также много госпиталей. Сказывается опасная работа, близость к лесу и его монстрам.

Робин жила в дальнем от дороги подъезде. Ей предстояло пройти мимо свисающих с крыши химер, в глазах которых установлены камеры.

– Камеры – ваши защитники, дружите с ними, – любил повторять мистер Вурст.

Дружить с безмолвными камерами для Робин не составляло труда. Но пожилые дамы у подъездов, не имеющие другого занятия, как сидеть на лавочке, любили поговорить. Они сочувствовали Робин, бедной девочке, которая так старается. Желая подбодрить её, старушки задавали участливые вопросы о школе, госпитале, бабушке, а также делились впечатлениями о новостях из телевизора, где часто показывали её родителей. Когда Робин чувствовала себя особенно разбитой, она обходила дом сзади – по тропинке через чахлый кустарник. Сегодня это решение изменило её жизнь.

Глава 3 Бублик

Сделав несколько шагов по тропинке, Робин замерла. Ей послышался слабый стон. Так хнычут дети во сне, когда им больно. Во время ночных дежурств Робин обычно садилась рядом и гладила их по голове, пока не придёт доктор, чтобы помочь. Около её ног зашевелились ветки кустарника. Робин, испугавшись, что это крыса, замерла. Прихрамывая, на тропинку вышло маленькое, покрытое светлым пушком, продолговатое существо на четырёх лапах.

– Отойди от щенка, – раздался за спиной голос Роба.

– У него... у щенка, – обернулась Робин, – кровь на задней лапе. У меня с собой бинты и перекись.

– Ага, ты его перевяжешь, а потом сдашь патрульным, – сказал Роб.

По дороге, дребезжа совсем близко, прокатился трамвай. Но Робин его не услышала. Грохот ударов собственного сердца заглушил остальные звуки. Девочка не знала, что делать. Впервые и так внезапно она столкнулась со столь сложной ситуацией. Конечно, в спорных случаях надо поступать, как учит Рыцарь Солнца. Как там говорил мистер Вурст? А – многим людям не хватает еды, чем кормить собак? Б – каждое животное... ну и так далее. Роб прав. Она отнесёт щенка патрульным, чтобы они позаботились о его судьбе.

Нет! Они просто застрелят его. Наверное, уже пытались застрелить, но пуля лишь задела лапу. Робин каждую ночь работала в госпитале, помогала детям, которых покусали монстры. Но этот маленький щенок – это ребёнок, не монстр! Нельзя с ним так! В груди колотилось всё сильнее.

Щенок шёл по тропинке, роняя капельки крови на пыльную землю. Рядом взлетело несколько маленьких серых фонтанчиков. Начинал накрапывать дождик. Роб грозно глянул на Робин и зашагал за щенком. Девочка несколько секунд смотрела на уходящего мальчика с

большим рюкзаком, на ковыляющего щенка, на серый дом с квадратными окнами, и на такой же дом за ним, и... Вдруг Робин, не понимая, что делает, догнала щенка, подхватила его и нырнула в кусты. Роб махнул за ней.

– Ты что творишь? – прошипел он, когда они забрались в самую гущу кустарника.

Робин приложила палец к губам и кивнула на тропинку. По кустам барабанило уже довольно сильно. В шелесте дождя послышался стук копыт. Через просвет в листьях дети увидели двух сближающихся всадников из городского патруля. Их тёмно-серые графитовые доспехи были сделаны из чего угодно, но не из железа точно. Ни единого звука при движении. Даже капли дождя бесшумно стекали на круп лошади и землю. Страх Робин, что её заметят, не оправдался.

– Ну, нашёл его? – спросил всадник.

– Нет, а у тебя как дела, Гримли? – ответил тот, которого увидела Робин.

– Я стрелял по нему, но промахнулся. Наверное, скрылся, крысёныш, – зло процедил товарищ мистера Вурста, тот самый, который встретил в лесу шайфуру.

Щенок, почуввав опасность, начал вырываться. Робин и Роб навалились на него. Мальчик крепко сжал вытянутую мордочку щенка, чтобы тот не смог твякнуть. Малыш испуганно заскулил.

Патрульные замолчали. Им послышалось что-то кроме шума ливня и фыркания лошадей. Одна из кобыл повела мордой в сторону кустов. На Робин взглянули блестящие шарики лошадиных глаз.

«Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, отвернисьотвернись-отвернись!» – взмолилась про себя Робин.

Как будто поняв девочку, животное резко дёрнуло мордой и заржало.

– Смотри-ка – моя старушка что-то почувяла, – сказал Гримли и развернул лошадь. – Поскакали. Не мокнуть же здесь! Ох, проклятая служба: то ведьмы, то щенки!

– Не говори! Ещё доспехи эти проклятые. Кто их придумал? В этом шлеме дальше трёх метров ничего не видно, – заворчал второй.

– При мне прошу никого и ничего не ругать, – опомнился Гримли. – Мне всё нра...

И патрульные пустили лошадей галопом в сторону школы.

Дети ещё несколько секунд сидели молча. Робин почувствовала знакомый металлический запах крови. Опустив голову, девочка увидела, что рука, державшая щенка, вся красная, и начала доставать бинты.

– Не здесь, щенок будет скулить прямо под окнами, – Роб разговаривал твёрдо, но совсем по-другому. Не так, как раньше. Он уже не хотел избавиться от Робин.

– А куда нам идти? Тише, тише, щеночек, всё хорошо, я тебя вылечу. – Она подумала, как было бы здорово отнести щенка в свой госпиталь, но тут же отбросила эту идею.

– Может, в подвал какой-нибудь? – предложил Роб. – Ему же надо где-то жить.

– В подвале крысы... А ты не можешь домой забрать?

– Нет, даже если отец и разрешит... – Роб на этих словах осёкся. – Это уже невозможно. Но даже если бы щенок жил в квартире, то, когда папа на работе, а я в школе, один раз он заскулит – и всё: донос – допрос – тюрьма...

– Придумала! – перебила его Робин. – Голубятня моего дедушки!

– Это та, что стоит посередине двора? – в голосе Роба прозвучала издёвка. – Чтобы все сразу услышали?

– Ты не знаешь, там стены поролоном обиты. Можно хоть орать, хоть рыдать в голос – никто не... услышит, – Робин смутилась и опустила глаза.

Роб так обрадовался идее, что неуклюже обнял девочку. Но до голубятни нужно ещё добраться: выпросить у деда ключи и пройти с щенком через весь двор, квадратом оцепленный домами с химерами и лавочками с бабушками.

Через пять минут план был готов, и Робин, стерев с себя пятна крови, выбралась из кустов. Ещё через три минуты она стучалась в бордовую дверь своей квартиры на четвёртом этаже. Надо подумать о маме с папой. Вспомнить их лица в телевизоре, их письма.

Глаза её увлажнились. Девочка впервые вспоминала родителей специально, чтобы заплакать. Обычно, наоборот, она старалась не думать о маме с папой, когда кто-то может увидеть её слёзы. От этой мысли Робин стало не по себе. Но отступить было поздно. Дедушка открыл дверь. Худощавый старик с опущенными вниз уголками глаз и большим красным носом приветливо кивнул ей.

– Деда! – Робин всхлипнула. – Можно я пойду в голубятню? Мне надо... надо... написать письмо, – несколько слезинок скатилось по щекам.

Кальвин, так звали дедушку, взял с тумбочки ключи и протянул Робин. Он коснулся её плеча, что означало «держись». Девочка на секунду склонила голову, прижавшись щекой к шершавой руке («спасибо»), и побежала вниз по лестнице.

Дождь прекратился, и на лавочке перед подъездом уже сидели две соседки.

– Добрый вечер, миссис Луиза и миссис Изабель, как вы себя чувствуете? – Робин знала, что если не поздороваться с ними, то наживёшь кровных врагов.

– Ничего, Робинуся, ничего. Зайдёшь ко мне вечером измерить давление? – Луиза была одинокой сварливой старухой, и единственное, что любила, это когда её слушают.

– Зайду, конечно, не беспокойтесь, – бодро ответила Робин и увидела выходящего из-за угла дома Роба с трясущимся рюкзаком за плечами.

– А как дедушка? – поинтересовалась Изабель.

Она была гораздо приятнее, но и любопытнее.

– Кто? А, дедушка. – Робин всё время косилась в сторону мальчика. – Дедушка... хорошо, он смотрит новый сериал – не помню какой, обязательно спрошу и вам расскажу. – Робин начала пятиться назад, но тут Изабель заметила Роба:

– А у тебя новый друг?

И две соседки, словно химеры на крышах, подались вперёд. Робин оглянулась на Роба. Рюкзак за его спиной пришёл в движение.

– Да... знакомьтесь, Роб Локсли. – Робин встала рядом с мальчиком, чтобы скрыть от соседок рюкзак и затараторила: – Роб, это миссис Луиза и миссис Изабель. Мы с Робом сидим за одной партией. И он весь год умолял меня научить его кормить голубей. А я ему говорила: «Вот напишешь контрольную по ОБЖ на тридцать сольдов – обязательно научу».

И Робин улыбнулась премилой улыбкой. Над ней и Робом зажёгся фонарь.

– Приятно познакомиться, прекрасные дамы, – мальчик изящно поклонился. Но резко выпрямился, потому что щенок в рюкзаке, почувствовав под ногами твёрдую опору, попытался рывком выбраться на волю. Роб взял Робин за руку и крепко сжал. Девочка и сама понимала, что пора заканчивать разговор.

– Ну идите-идите, детки, – Изабель была довольна количеством информации, а Луизе не терпелось высказать ей своё мнение о современной молодёжи.

Робин и Роб, забыв от напряжения расцепить руки, побежали к голубятне.

* * *

Голубятня представляла собой небольшой сколоченный из грубых досок куб на четырёх железных столбах, над которым возвышался такой же куб, только из металлической сетки. Там жили голуби. Первый этаж был со всех сторон расписан картинами, посвящёнными Рыцарю Солнца, – герой в окружении белых птиц изгоняет монстров из города Н8.

Поднявшись по приставной лестнице внутрь, ребята оказались в тесной и душной комнате без окон.

Робин на ощупь зажгла свечу. Пламя осветило мягкие жёлто-оранжевые стены, два кресла и стол.

– Всегда хотел здесь побывать, – сказал Роб, расстёгивая рюкзак.

– Попросил бы раньше, – буркнула Робин и достала щенка. Он дрожал, а лапа была липкой и горячей. – Держи его, будет вырываться.

Робин потихоньку принялась капать перекись на рану. Если бы кто узнал, что она тратит доверенное ей лекарство на собаку! Но девочке в этот момент меньше всего хотелось думать об остальном мире. То, что происходило в голубятне, было куда важнее: пузырилась и шипела перекись, скулил и дёргался щенок, Роб и Робин шептали ему ласковые слова, горела свеча.

Спустя около тридцати минут найдёныш, перебинтованный и сытый (Робин обнаружила в рюкзаке бутерброд), свернулся на куске поролона, оставшегося от обивки стен. Тело у него оказалось непропорционально длинным. Он так и заснул – в форме буквы «О».

– Как его назовём? – нарушила тишину Робин.

– Не знаю. Я не знаю, как называют щенков, – растерянно ответил Роб.

– Он похож на бублик, – заметила девочка.

– Отличное имя, – сказал мальчик.

– Но нельзя же кого-то назвать Бубликом! – улыбнулась Робин.

– Почему это нельзя? Нам кто-то запретит? – спросил Роб, не ожидая, в общем-то, ответа, и добавил: – Мне пора домой. Что дальше делать будем?

Робин надеялась, что он ответит на этот вопрос. Но это была голубятня её деда, и думать надо было ей.

– Ну... будем заходить сюда... в свободное время... кормить, я достану ещё бинтов... рана не опасная... Бублик выздоровеет...

– Так не пойдёт, – оборвал её Роб и начал мерять шагами каморку. Пламя свечи задёргалось. – Надо иметь чёткий план. Давай ты будешь заходить утром – до школы. А я вечером – после. Ключ закопаем рядом с левой ножкой лестницы. Дедушке скажи, что за голубями мы поухаживаем. Понятно?

Робин показалось, что она стала меньше под его взглядом.

– Да, я утром, ты вечером. Пойдём, научу тебя кормить голубей.

Когда ребята, облепленные голубиными перьями, спустились с лестницы, силуэт Рыцаря Солнца на стене голубятни едва угадывался в сумерках. Робин встала лицом к картине над ней, провела указательным пальцем правой руки от кончика носа до лба, потом большим пальцем от левого плеча к правому, раскрыла ладонь, надавила на живот и, согнувшись, упала на колени. Это был обычный ритуал поклонения Рыцарю Солнца, возможно, слишком пафосный для рисунка на голубятне. Но сейчас он оказался как нельзя кстати: химеры на крышах домов не заметили ничего необычного. Роб повторил ритуал вслед за Робин, и они вместе закопали ключ.

Дневник Роба 15 мая 99 года О. О. Р. Р. С.

Графа 1

На обратной дороге из школы я нашёл щенка. Увидев, несколько секунд колебался, стоит ли его спасать.

Но когда он вышел на тропинку перед Робин Локсли, я так испугался, что она сдаст его патрульным, что тут же принял решение. Робин тоже решила спасать щенка. Мы спрятали его в голубятне её дедушки. Назвали Бубликом. Он очень смешной и милый. Надо придумать, куда его устроить до Рубикама. Не хочется оставлять его Робин.

Графа 2

Сам бы хотел узнать, что написать здесь. Она, видимо, поддалась эмоциям, но в любой момент может проговориться. Ведь родители Робин каждый день в новостях с Винсентом Глюнкером. Разве можно оставаться нормальной?

Графа 3

Да ты с ума сошёл! Спрятать щенка посреди двора!

Если его и не найдут сегодня, точно обнаружат завтра, и тогда и тебе, и Робин, и вашим семьям очень не поздоровится!

Не люблю эту графу.

Глава 4 Сакринстон

Май в городе Н8 выдался на редкость пасмурным.

Луи не успевали высохнуть от дождя до дождя.

В них отражались химеры с крыш, стальное небо, мёрзнувшие жители Н8 и масляно-чёрные трамваи. Машин в городе было совсем немного. В основном – грузовики, привозившие продукты в магазины, бутылки в бар «Лунатик», лекарства в больницу и забиравшие оружие с заводов. Обычным людям машины были ни к чему. До всего, что необходимо, можно добраться на трамваях. Трамвай № 1 следовал по маршруту почта – рынок – стадион – завод. Второй соединял кинотеатр, новый концертный зал и старый дом культуры. Чаще всего Робин смотрела на свой город из окон трамвая № 3, который останавливался напротив входа в госпиталь. Доехать до следующих остановок, «Вокзал» и «Кладбище», ей ещё ни разу не довелось.

Робин сидела рядом с водителем Лукасом, улыбчивым беззубым стариком в тёмных очках с толстыми стёклами и мятой шляпе с широкими полями. Он пригласил её на почётное место рядом с собой. Девочка была благодарна ему, потому что от влажной духоты салона ей становилось дурно. Первые тяжёлые капли дождя плюхнулись на лобовое стекло. Робин опять забыла зонт. Она слишком уставала в последнее время: экзамены, ночные дежурства и... Бублик. Раньше Робин искала в каждом своём поступке способ получить сольды для переезда к родителям. А теперь её мысли походили на трамвайные рельсы, которые хоть и всегда рядом, принадлежат одному пути, но никогда не пересекаются. Она могла думать или о сольдах, снова и снова проверяя свои расчёты, или о Бублике: какой он славный, мохнатый и ласковый...

Дедушка, разумеется, узнал о собаке. Но это отразилось на тайной жизни внутри голубятни лишь тем, что там появился лоток, куда Бублик мог ходить в туалет. Да и Робин стала

получать на завтрак два куска хлеба. Ведь она уже начала худеть: приходилось отдавать половину еды щенку.

С Робом в голубятне они не встречались. Только спустя две недели с момента спасения Бублика состоялся их первый разговор. Дети раньше всех сдали контрольные по истории Республики Рыцаря Солнца, и их отпустили с урока. Они шли от школы к трамвайной остановке вдоль забора детского сада, за которым с визгом и смехом резвилась малышня.

– А почему твоему дедушке разрешили держать голубей? Я читал, что это тоже запрещено, – спросил Роб, глядя в хмурое небо.

Робин тоже запрокинула голову.

– Они летают во славу Рыцаря Солнца. Это же его символ. Я помню, как дедушка строил голубятню, раскрашивал, а потом долго куда-то ходил – видимо, добывал разрешение.

Роб посмотрел на девочку:

– А ты не думала, зачем это было нужно твоему дедушке?

Робин пожала плечами:

– Потому что голуби красивые и летают.

Они дошли до трамвайной остановки. Робин встала в очередь на посадку на трамвай № 1, который как раз причалил (дорогу действительно затопило).

– Госпиталь – это № 3. А это первый. Ты не перепутала? – спросил Роб.

Робин улыбнулась, отвечая:

– Мне на почту. Тридцать первого мая приходит письмо от родителей.

– Аааа... понятно, рад за тебя. – Мальчик помахал Робин рукой и, разгоняя грязную воду резиновыми сапогами, пошёл в сторону голубятни – кормить Бублика. Робин представила, как щенок встретит его, радостно повизгивая и извиваясь всем своим длиннющим телом.

– Эй, о чём задумалась, красавица? – водитель Лукас уставился на неё с ничего не выражающей улыбкой. Глаз под огромной фетровой шляпой и очками было не видно. Дождь уже вовсю барабанил по крыше трамвая. Робин, чтобы нечаянно не проговориться, быстро принялась высказывать свои обычные мысли:

– Я? Я думала, как много вокруг домов, серых, одинаковых, скучных. Почему их никто не раскрасит?

– Раскрасить дома? Куда летите, монстрики! – несколько детей перебежали трамвайные пути, и Лукасу пришлось затормозить. Раздался протяжный скрип. – А краску где взять? А людей? Сначала, девочка моя, надо с монстрами разделаться, а потом уже думать о красоте. Когда меня никто не хочет сожрать заживо, то это серое небо мне кажется прекрасным. А тебе?

И вновь к ней повернулась пустая улыбка под мятыми полями. Пару раз дёрнувшись, трамвай пришёл в движение.

– Мне? – Робин точно не считала клетку, состоящую из копти и дыма, хоть сколько-нибудь красивой. – Мне кажется, что... Да, спасибо Рыцарю Солнца за безопасный город, а остальное... ещё будет.

– Молодец, девочка, – Лукас сжал губы и добавил негромко, – умеешь скрывать свои мысли. Не расслабляйся! Твоя остановка – почта!

Робин взяла предложенный водителем зонт и прыгнула в лужу, которую всё равно было не обойти. В сапоги залилось несколько холодных грязных капель.

Но в этот промозглый майский день девочке было так тепло и уютно, как будто внутри горела свеча. Даже долгая очередь к почтовому окошку и дотошные расспросы скучающих рядом с ней бабушек ничуть не уменьшили ту бескрайнюю радость, которую каждый раз испытывала Робин, сжимая в ладони письмо от родителей. Осталось только сорвать сургучную печать с гербом Сакринстона – солнечным циферблатом и прочитать заветные строки, полные любви и надежды. Но Робин никогда не открывала письма от родителей тридцать первого мая. Она родилась первого июня. Вечер и ночь, предшествующие утру дня её рождения, были

для девочки наполнены волшебством и предчувствием счастья, когда она осторожно срежет печать, чтобы сохранить её в ящичке стола.

* * *

Утром первого июня Робин как можно скорее запихнула в себя бутерброд под просмотр восхитительных утренних новостей из Сакринстона. Пусть это был повтор со вчерашнего вечера, но зато показывали её родителей в компании самого знаменитого участника

Совета Лучей – Винсента Глюнкера. В одном из кафе Сакринстона, за плетёными столиками, они обсуждали постройку новых госпиталей в чёрных клетках. Досмотрев выпуск, девочка побежала кормить Бублика и читать письмо от родителей.

«Дорогая Робин! Мы следим за твоими успехами и очень гордимся тобой. Нам приятно, что всего, чего ты достигла, – ты достигла сама. Осталось не так много времени, и мы сможем встретиться. Думаем об этом каждый день, хотя это и неправильно. Конечно, нам надо думать о том, как сделать жизнь каждого в Республике счастливой.

Мы много работаем над изобретением новых лекарств. Некоторые раны, которые получают жители чёрных городов, встречаясь с монстрами, не так просто вылечить. Кстати, будь осторожна. Мы слышали, что в чёрных городах участились случаи появления гиес прямо в печах заводов. Если увидишь на улице кого-то похожего – сразу же беги за патрульным.

Мы все верим в то, что начинается твой последний год в чёрной клетке. Будь очень и очень осторожна. Тебя будут проверять на верность Рыцарю Солнца. Сын наших друзей Свансенов, Джейкоб, не выдержал и за три месяца до переезда сделал что-то запрещённое, о чём, конечно, написать нельзя. Но предостеречь тебя от обнуления сольдов, любимая, мы просто обязаны.

У нас для тебя подарок. Мы знаем, как мало ты отдыхаешь. Но в твой день рождения тебя ждёт настоящее приключение. Мы договорились, что ты вместе со своим классом отправишься на экскурсию в Сакринстон.

Целуем тебя, Робин. Будь достойна своих родителей, и мы сможем обнять тебя совсем скоро».

Вот это да! Робин улыбалась сквозь слёзы. Сакринстон! Да это же столица! Это город-мечта! Говорят, там мосты из золота, а на деревьях растут шоколадные конфеты! Побывать там удаётся лишь избранным!

Девочка тут же забыла тревожное предупреждение о гиесах, огненных собаках, известных отвратительным смехом и острыми зубами, а также несчастного сына Свансенов. Ей надо срочно переодеться в самую красивую одежду и бежать в школу. В шкафу Робин отыскала только серое платье и растянутую кофту. В чёрных городах дети сами шили себе одежду на уроках труда, но для неё это являлось непосильным заданием. Робин всегда забирала работу на дом, чтобы не позориться перед классом. Вся её одежда была сшита дедушкой Кальвином. Из летней обуви у Робин нашлись только грубые башмаки с деревянными, громко цокающими каблуками.

Но этим радостным утром ничто не могло расстроить девочку. Она ещё раз умылась и постаралась расчесать вечно спутанные пепельные волосы. Отчаявшись, Робин сделала высокий хвост и, подмигнув себе зелёным глазом (так она делала в особо счастливые, а значит, редкие моменты), выбежала из дома.

Когда девочка подошла к школе, весь класс уже ждал на крыльце. Её встретили громкими криками: «Поздравляем!», «С днём рождения!» Все так радовались предстоящему путешествию, что забыли свою неприязнь к однокласснице. Даже Марго не смотрела на Робин монстром. Детей сопровождал в Сакринстон учитель ОБЖ – мистер Вурст. Он повёл класс к

трамвайной остановке. Редкие прохожие оглядывались на восторженную толпу детей: весьма редкое для Н8 зрелище.

– Нам нужен третий трамвай, все меня слышали?

Третий! – Мистер Вурст сам чуть не подпрыгивал на месте от перспективы прогуляться по улицам Сакринстона. По дороге обсуждали, как можно добраться до столицы.

– На поезде?

– Или огромном грузовике!

– Мы что, поедem через всю страну?

– Вот это да!

– Ага, и вернёмся к концу лета.

– А что же мы будем есть?

Но на вокзале детей ждал ещё один сюрприз. Подъезжая к остановке, все прилипли к запylённым трамвайным окнам. Над площадью перед зданием зала ожидания висело упругое блестящее облако.

– Дирижабль! – первой догадалась Марго.

И правда, выйдя из трамвая, Робин увидела едва заметную кабину под кристалльно-белым, с тонким золотым узором, огромным продолговатым шаром.

– Заходим, заходим, чего замерли? Этот дирижабль – мелочь по сравнению с тем, что нас ждёт! – подгонял детей мистер Вурст. Они еле пробились сквозь толпу зевак, забывших все свои дела, буквально парализованных неземной красотой и роскошью воздушного корабля.

– Чего уставились? Идите работать! Может, и накопите на такое путешествие. А будете стоять и пялиться, только сольды потеряете! – разгоняли толпу патрульные, сами на себя злые, что только несколько секунд назад вспомнили, кто они такие и зачем здесь находятся.

Робин, хотя и не была согласна с мистером Вурстом, что этот парящий гигант – мелочь, всё же поторопилась занять мягкое плюшевое кресло у окна. С раскатистым рёвом дирижабль поднялся в воздух. Девочка была уверена, что сегодня один из самых значимых дней в её жизни, и, решив не пропустить ни единой секунды, стала внимательно смотреть, как покатые чёрные крыши клетки Н8 с симметричными наростами химер удаляются от неё.

– Хочешь кофе с молоком? – ласково спросила девушка в бело-золотом, как узор шара дирижабля, платье.

Сладкий, густой и пенистый напиток совсем не походил на горько-кислый кофе, который пила Робин каждое утро, чтобы проснуться. В окне девочка обратила внимание на серую полосу стены своей клетки и лес за ней. Она удивилась, насколько он зелен и огромен. Настоящий океан! Сколько же там монстров? Робин предвкушала увидеть всю Республику Рыцаря Солнца, но веки предательски отяжелели, в мысли прокрался туман, и девочка, облокотившись на плюшевую спинку кресла, под глухое шипение винтов погрузилась в сон.

Класс спал. Дирижабль, рассекая облака, скользил над Республикой Рыцаря Солнца. Он миновал два ряда чёрных клеток с лесом заводских густо дымящих труб, широкий прямоугольник полей и, наконец, белые города. Пассажиры проснулись только тогда, когда дирижабль завис над столицей и приступил к снижению. В динамиках над сиденьями заиграл бодрый марш.

– Дорогие жители чёрных городов, добро пожаловать в столицу! – услышала Робин сквозь сон. Ещё не пробудившись окончательно, она посмотрела в окно.

– Ослепительно, – прошептал сидевший рядом мистер Вурст.

Белые дома с золотистыми крышами, изумрудная зелень деревьев, мостовые из кораллового камня – всё это великолепие стремительно надвигалось на них. Робин даже испугалась, что дирижабль пройдёт сквозь этот удивительный мир, который окажется всего лишь миражом.

Лёгкий толчок снизу, и Робин оказалась в Сакринстоне. Там, куда она мечтала попасть, как только узнала, что такое мечта. В городе, где работают и живут её родители. Разве они

не захотят увидеть дочку? Пусть нельзя встретиться, но непременно в каком-нибудь окне, в витрине магазина, в толпе прохожих на секунду промелькнут родные лица.

– Робин, ты идёшь? – крикнул Роб. В дирижабле никого, кроме них, уже не осталось. Мальчик стоял у выхода.

– Ага... иду... засмотрелась, – задумчиво отозвалась Робин и поспешила к двери. Когда она проходила мимо Роба, он шепнул ей на ухо:

– Я знаю, о чём ты думала. Не пытайся их найти.

Это опасно.

– Да ни о чём я не думала, – соврала Робин.

Дети уже окружили женщину-экскурсовода в розовом платье с оранжевым сложенным зонтиком. Даже издали было видно, какой у неё большой и подвижный рот.

– Детки, вас что, не кормят там? Вы из Н8? Надо обязательно рассказать Лёве, что приехали не дети, а заморыши, – она говорила быстро, хватая ртом воздух.

«Наверное, это такая привычка – восхищаться всем, что видишь, задыхаясь от восторга», – подумала Робин.

– Простите, кому рассказать? – спросил Роб.

Женщина широко улыбнулась мальчику, набрала воздух и сказала:

– У нас много-много дел! Меня зовут леди Вербена.

Видите вот этот зонтик? Я буду его держать над головой, чтобы никто не потерялся. Кстати, если потеряетесь, вас всё равно найдут и отправят домой, – и леди рассмеялась грубым мужским смехом.

– Итак, мы с вами на Облачном Вокзале. Да-да!

По-другому попасть в Сакринстон просто невозможно!

Сюда прибывают гости из разных клеток. И все, как один, поражены великолепием нашего города. – Леди Вербена зачерпнула ртом воздух. – Мы сейчас на левом берегу реки Сакрин. Здесь мы с вами посмотрим Университет и Собор, потом полакомимся мороженым с круассанами...

– Круассанами? – Марго зачарованно смотрела на леди Вербену.

Рот экскурсовода растянулся в длинную загогулину.

– Да, девочка, это как булочки, только круассаны. Сакринстоном невозможно было не восторгаться: дома, как будто созданные кондитерами, а не строителями, цветущие деревья, широкие тротуары, магазины с прозрачными сверкающими витринами. Казалось, сам воздух наполнен перламутровой сладкой взвесью, тогда как в клетке Н8 клубится только пыль с заводов. Так стыдно ступать по гладким мостовым своими грубыми башмаками. Так неловко сидеть в своём ветхом платье на мраморных ступенях здания Университета. Тем более когда вокруг столько людей, одетых в изящную одежду невиданных фасонов. Особенно поразили Робин белые платья и костюмы, невозможные в родном вечно грязном городе. А над Сакринстоном не то что дождя, даже облачка не увидишь.

– Это Университет наук и искусств, – леди Вербена указала зонтиком на громадный дворец персикового цвета со множеством башенок, переходов, балконов и стрельчатых окон. – Всё, что вам надо знать, – ваши внуки могут здесь учиться. Для этого всей семье надо набрать три миллиона сольдов. Ну, или совершить подвиг...

– Какой, например? – громко спросил Роб. Но со всех сторон раздался бой часов. Густой волной звонких и глухих ударов на город накатилось время. Мимо пробежала, беспечно хохоча, группа студентов, одетых в одинаковые голубые мантии.

– Ой! Уже полдень! Надо торопиться! Вы ещё Собор не видели! – и леди Вербена, проигнорировав Роба, засемила по мостовой, подняв оранжевый зонтик. Солнце ярко светило в голубом до рези в глазах небе.

Оставив позади серебряные шпили Университета, экскурсанты взяли курс на невероятных размеров золотой купол, принадлежавший, по всей видимости, Собору Солнца.

Мистер Вурст старался не отставать от леди Вербены.

– Скажите, а в Сакринстон проникают монстры?

Здесь есть патруль, стены?

– Ну что вы! – леди Вербена раскатисто рассмеялась. – Сакринстон с трёх сторон окружают горы, а с четвёртой – океан. Монстрам сюда...

– Океан? – Роб всё время был близко-близко к экскурсоводу. Робин даже удивилась: он всегда такой безразличный на уроках. А тут – верх внимательности. – Вы сказали, океан?

– Это город мечты, мальчик, ты не расслышал? – В голосе леди Вербены звучало снисхождение. – Кавалер Вурст, вы знаете историю? Тем, кто сотню лет назад жил в Сакринстоне, удалось собрать все свои силы и во главе с Рыцарем Солнца покончить с магией, из-за которой все беды, болезни и монстры. А потом изгнать колдунов вместе с монстрами из города и построить свой мир, как видите, довольно сносный. – Леди Вербена улыбнулась, осмотрев ближайший дом цвета лимонада, и продолжила: – Другие города были слишком заняты сопротивлением, внутренними раздорами и... да-да, связями с монстрами. Рыцарь Солнца старался то уговорами, то угрозами образумить упрямых жителей, объяснить, что мы поможем им построить новый мир, пусть только попросят нас о помощи. Белые города, те, что сейчас окружают Сакринстон, согласились быстрее и уже живут счастливо. А чёрные, те, что за полем, долго и упорно сопротивлялись. Совет Лучей даже предлагал Рыцарю Солнца забыть о них, поставить стену вокруг белых городов, но разве есть предел Его милосердию? Теперь и вы под защитой. И у вас, если Солнце будет благосклонно, настанет мир и процветание. Сейчас Совет Лучей рассматривает проект о вырубке лесов вокруг чёрных городов, что должно заставить монстров отступить.

– Вырубить леса?! – хором воскликнули Марго и Роб. Только они, Робин и мистер Вурст шли рядом с оранжевым зонтиком, жадно вслушиваясь в каждое слово. Остальные дети растянулись длинной вереницей и глазели по сторонам, постоянно что-то друг другу показывая.

– Да, это шокирует, потому проект и обсуждается уже долгие годы, а между тем в чёрных городах гибнут люди. Да и живут, извините, конечно, так себе, – рот леди Вербены изогнулся вниз.

Робин не выдержала и задала вопрос, который мучил её с рождения.

– А правда? Что... Рыцарь Солнца, он... это...

– Бессмертен? – закончила леди Вербена. – Девочка моя, это так же верно, как и то, что солнце восходит каждое утро.

До Собора шли уже молча. Нужно было переварить то, что каждый из них сотню раз читал в книжках и видел по телевизору. Но только сейчас мелькавшие ранее плоские образы на картинках или экране приобрели вес, объём и боль.

Когда вышли на площадь Золотого Купола, то уже все, как леди Вербена, шумно втянули ртом воздух. Собор был построен... нет, создан... нет, соткан из розово-белого мрамора с янтарными прожилками и гирляндами витражных окон. В стороны, обнимая площадь, тянулись два крыла-колоннады. Несмотря на исполинский размер, собор будто парил в воздухе. А в сердце площади Золотого Купола, между симметричными крыльями, Фонтан Света выбрасывал вверх кристальную россыпь воды, долетавшую, казалось, до вершины собора.

– Это магия... – ошеломлённо прошептала Марго.

Роб толкнул её локтем и нарочно закашлялся. Но леди Вербена услышала и остро взглянула на девочку. Её брови сдвинулись, повторив длинную линию рта.

– Магии нет. Нет, может, у вас, в чёрных клетках, и есть. Но у нас, в белых городах, её истребили. Это музыкальный фонтан, над которым работали лучшие инженеры. На каждый гимн у него есть свой неповторимый танец...

Мимо водной феерии дети направились ко входу в Собор Солнца. Каждому предстояло пройти через мелкую сеточку разноцветных лучей. А рядом за столом мужчина в белоснежных доспехах весь день смотрел «кино» с проходящими один за другим большими и маленькими скелетами.

Мастер Вурст тут же принялся расспрашивать экскурсовода об этой штуковине (а на что реагируют лучи? на оружие? магию? злые мысли?). Ему нравилось всё, что от чего-нибудь защищало.

– Будьте осторожны, кавалер Вурст, а то вас примут за шпиона, – настроение леди Вербены стремительно портилось.

Робин невольно задумалась о том, что, видимо, в Сакринстоне уже не столько боятся монстров, сколько разумных существ. Она не заметила, как углубилась в зал Собора. Когда девочка подняла глаза, то великолепие стекла и цвета обрушилось на неё с такой силой, что закружилась голова. Слова леди Вербены долетали до неё как осколки.

– ...Двенадцать лучших мастеров... пятьдесят лет... выкололи глаза... подвиги Рыцаря Солнца... три летописца... четвёртый ещё жив... самая почётная должность... – вздохи леди Вербены казались здесь шумнее, чем обычно... – И сквозь центральную розу витража под названием «Победа над смертью» может пролететь наш дирижабль...

Робин села на лавочку поодаль. Ей захотелось увидеть самое грандиозное здание мира своими глазами. Вот под ногами шахматный пол. Символ мудрости Рыцаря Солнца. Он разделил всю страну на клетки, определив каждой своё особое назначение. Клетка Робин называется Н8, и в ней делают оружие. Задняя стена Собора с дверями посвящена прошлому. Точнее, прошлому Сакринстона, но настоящему чёрных городов. На ней в самой натуралистичной манере изображены монстры. Шайуры, отворяющие зубастые смертоносные пасти, заливающиеся смехом гиесы, карлики с перекошенными от гнева лицами и топорами вместо рук, гигантские змеевидные создания, извивающиеся струящимися петлями, в которых барахтаются и задыхаются жертвы... Даже в небольшой блистающей витражной розе над дверью, если внимательно присмотреться: красные стёклышки – это кровь, а белые – чьи-то клыки.

По стенам Собора справа и слева ниспадали разноцветные водопады героических историй. Как на голубятне дедушки, только красочнее... достовернее. Ведь где-то рядом, может, в соседнем доме, Рыцарь Солнца пьёт кофе с круассанами. А вот и он, в центральном витраже, Герой, избавивший мир от магии. Рыцарь Солнца в чёрных доспехах, из щелей между которыми струятся лучи света, на полном скаку врывается в величественный циферблат. Стрелки и цифры разлетаются в стороны. Часы рассыпаются. Время исчезает. Смерть побеждена.

«Ничего себе... дирижабль пролетит...» – подумала Робин, тут же поругав себя за легковесность мыслей.

Ей стоило думать о том, что надо из всех сил стараться служить Рыцарю Солнца, и тогда станешь достойна главного подарка, который только можно получить, – бессмертия.

Единственный человек, удостоенный высшей награды, был Крысолов, правая рука Рыцаря Солнца.

В голове Робин проносились картинки из телевизора, где в окружении прекрасных домов, витражей, красиво одетых людей она видела Рыцаря Солнца, закованного в чёрные доспехи, Крысолова со шрамом и повязкой на глазу, вечно крутящегося рядом в расшитой золотом одежде Винсента Глюнкера и... иногда своих родителей. Они, герои Республики Рыцаря Солнца, часто принимали участие в праздниках, давали интервью, обедали с известными личностями. Например, несколько дней назад в репортаже о новом ресторане в Сакринстоне Бонни и Лан сидели в плетёных креслах за стеклянным столиком и шурились от солнца вместе с Винсентом Глюнкером. Все трое утверждали, что часто обедают вместе, обсуждая проблемы простых жителей.

Робин опустила глаза на шахматный пол. Где клетка Н8 и где Сакринстон? Сколько километров отделяют её от родителей – и сколько шагов сейчас? Вдруг она увидела серебряные ботинки с золотыми пряжками. Они могли принадлежать только одному человеку... Винсент Глюнкер размашисто шагал к выходу из Собора, то и дело кивая в толпу, с лучезарной улыбкой, исполненной снисходительной доброты. Галопом понеслись мысли в голове Робин:

Глюнкер, родители, время обеда, плетёные кресла... она может увидеть, как они настоящему шуряют от солнца! Девочка не могла ничего с собой поделывать. Ступая легко (насколько это возможно в деревянных башмаках), стараясь держаться как можно дальше, но не потерять из виду, Робин шла за господином в фисташковом пиджаке с золотыми отворотами. На счастье, всюду его окружала толпа, в которой легко было затеряться. Винсент несколько раз внезапно менял направление, уходя с широких проспектов на менее оживлённые улицы, а потом и вовсе свернул в безлюдный переулок, где дома уже совсем не сверкали белизной. Робин отстала сильнее, чтобы не обнаружить себя. Башмаки, гулко стучавшие по мостовой, пришлось снять. После следующего поворота она оказалась в тёмной арке. Сначала Робин подумала, что потеряла Глюнкера и заблудилась.

– Ты одна? – послышался высокий голос советника. Робин от страха, что её разоблачили, вжалась в стену.

– Не говори ничего, просто кивай, – продолжил Винсент и перешёл на шепот. Он говорил с кем-то ещё. До Робин долетели лишь обрывки его слов.

– В лесу... рядом с Рубикамом... уничтожить... будет проверка, а пока... могу только сказать... помни о крысах...

Робин лишь от одного упоминания об этих мерзких тварях могла упасть в обморок. Ей показалось, что сама темнота наполнилась усатыми мордами и облезлыми хвостами. Вдруг по ноге что-то пробежало. И снова. Её обнюхивали. Она дёрнула ногой. Голыми пальцами она врезалась сразу в нескольких зверьков. Мерзкий писк, острая боль в ноге. Робин закричала и побежала прочь из тёмной подворотни, не разбирая дороги. Ещё несколько поворотов не туда, и девочка совсем заблудилась.

– Эй, дорогуша! Ты забыла башмаки! Вернись! – послышался нарочито-доброжелательный крик Винсента Глюнкера.

Наконец Робин заметила в прогалах между крышами золотой отблеск и побежала в сторону Собора, мечтая снова увидеть оранжевый зонтик леди Вербены. Ей повезло. Когда она вынырнула на площадь, навстречу плыл заветный комочек солнца, который отвёл Робин и остальную группу в уютное кафе с круассанами.

Не так-то просто было наслаждаться вкусной выпечкой и обжигающим какао под пристальным взглядом Роба. Он несколько раз посмотрел на её ноги, которые она старательно прятала под столом. Наконец Роба отвлекла плюхнувшаяся напротив Марго, только что зашедшая в кафе. Впервые девочка обрадовалась, увидев одноклассницу. Робин меньше всего хотелось сейчас что-то кому-то объяснять. Во многом потому, что она не понимала, как объяснить всё случившееся хотя бы самой себе. Пугающие переулки, надрывный шёпот Глюнкера, что-то хотят уничтожить... и откуда, откуда, откуда в этом начищенном до блеска сказочном городе крысы?

Робин надеялась разобраться во всех событиях уже в клетке Н8, уютными вечерами с Бубликом, долгими ночными дежурствами и молчаливыми посиделками с дедушкой и телевизором. Но девочка не знала, что завтра её ждёт ещё больше происшествий, чем сегодня, что послезавтра поразит её чуть меньше, чем послепослезавтра. А времени на размышления теперь не будет ни утром, ни днём, ни вечером, ни даже ночью.

Когда дети и мистер Вурст поднимались на дирижабле над Облачным Вокзалом, вечерний город вспыхнул тысячью огней, которые разноцветными потоками стекались к щедро освещё-

щённому куполу Собора Солнца. Разумеется, дальше глазеть в окно им не позволили, напоив очередной порцией усыпляющего напитка.

Дирижабль с рёвом приземлился на Вокзальной площади клетки Н8. Вокруг не было ни души, кроме нескольких патрульных. Трамвай ждал детей на остановке. Класс расселся по свободным лавочкам. Погружённые в себя ребята вглядывались в тьму за окнами, слабо разбавленную оранжевыми квадратами квартирному света. Когда Робин выходила из трамвая, Роб сунул ей в руку клочок салфетки с надписью: *«Покорми ты сейчас, а я завтра утром»*.

От остановки Робин предстояло идти без ботинок.

Она думала о том, что хоть босиком ходить по Сакринстону гораздо приятнее, но всё же голубятня красивее Собора Солнца. Ведь там её встретит любимый Бублик, который с удовольствием проглотит засохший круассан.

«Робин, милая, я покормил щенка. А тебе нужно будет завтра в девять утра зайти в бар «Лунатик» на короткий разговор с очень важными людьми. Не волнуйся, солнышко, это не опасно. Бегом спать. Я на заводе до утра. Кальвин».

Дедушка часто писал ей. Но она хранила все, даже короткие и неважные записки.

«Бар “Лунатик”, – размышляла Робин, отряхивая довольную морду пса от крошек. – Странное место, чтобы разговаривать с двенадцатилетними девочками... Обычно оттуда выходят люди с прозрачными глазами и красными носами, напившиеся спирса и болтающие полную ерунду. Вряд ли эта встреча принесёт мне сольды. Но не всё же ради сольдов, да, Бублик?»

Она поцеловала щенка в мокрый нос и отправилась спать. Девочке долго не удавалось уснуть, и уже почти под утро Робин погрузилась в тревожный сон. С дворцов Сакринстона, приветливо ослабившись, махали когтистыми лапами химеры, леди Вербена пила мутную жидкость у входа в «Лунатик», а дедушка уплетал круассаны за одним столиком с Винсентом Глюнкером. Робин искала в переулках Бублика, но всюду сновали только крысы, которых становилось всё больше. Появился Роб, дал ей в руки оранжевый зонтик и сказал, чтобы она стреляла в любого, кто приблизится с топорами к лесу.

Дневник Роба 1 июня 99 года О. О. Р. Р. С

Графа 3

Вот теперь, дорогие потомки, читающие мой дневник, вы верите, что Робин Локсли нельзя доверять?

Куда она могла исчезнуть в незнакомом городе? Где оставила бабмаки?

Надеюсь, вы живёте в мире, где никто не посмел притронуться к лесу. Иначе... у вас что, нет Рубикама?

Глава 5 Комиссия в баре «Лунатик»

Прозвенел будильник. Мутный солнечный свет разрезал пыльный воздух в комнате Робин. Вот и первый из десяти отведённых жителям Н8 ясных дней в году. Девочка надела коралловое платье, которое обнаружила на стуле у кровати. Видимо, дедушка считает предстоящий разговор достаточно важным, чтобы сшить для Робин новое, да ещё и такое необычно-яркое платье.

Бар «Лунатик» по сравнению с витринами Сакринстона выглядел заброшенным. Робин вошла в приоткрытую дверь (хотя обычно с утра на ней висит замок) и стала спускаться вниз по щербатой лестнице. Кислый запах нарастал с каждым шагом. И вот она оказалась в большом круглом зале. Девочка ожидала увидеть отвратительное грязное место, но ошиблась. Мебель хоть и старая, но чистая. Потолок, раскрашенный под звёздное небо, сливался со стенами, образуя купол. Круглые столики стояли вдоль стен, освобождая место для большого прямоугольного стола в центре. Только один человек из троих сидевших за ним и пристально смотревших на Робин был знаком ей.

Альберт, отец Роба. Весь он состоял из жёстких линий – прямоугольное худое лицо, резкие поперечные морщины на лбу, короткий ёжик чёрных волос, строгий пиджак, плотно сжатые кулаки торчат из рукавов.

Незнакомцы же выглядели куда привлекательнее. Робин никогда не думала, что бывают такие красивые женщины, как та, что сидела посередине. В её глазах цвета густой листвы в летний день как будто спрятались два маленьких солнышка, способные осветить полумрак подвала. На лице идеальной овальной формы даже морщины (да-да! Самая красивая женщина мира годилась Робин в бабушки!) складывались в изящные узоры. Девочка с трудом перевела взгляд на второго мужчину.

Или это не мужчина, а подросток? Робин не смогла бы точно определить его возраст: мятая майка, взъерошенные волосы, озорная улыбка, смутно знакомая. Последний штрих образа – повязка на левом глазу. Крысолов тоже носит повязку, но выглядит от этого ещё страшнее: как будто его покалечил кровожадный монстр. А мужчина (или подросток?), создавалось впечатление, нацепил повязку просто так – чтобы повеселиться или познакомиться с девушкой, рассказав пугающую, но умиротворяющую историю.

«Сколько я их разглядываю? – поймала себя на мысли Робин. – Наверное, это неприлично!» И перевела взгляд на свои ботинки, которые были малы ей на два размера: пришлось обуть старые.

– Доброе утро, Робин, – тепло поздоровалась красивая женщина. – Не волнуйся, мы друзья. Меня зовут Мэрил, этот молодой человек – Ромул, а мужчина – Альберт. Мы хотим тебя кое-куда пригласить, но сначала просто поговорим.

– Доброе утро. Да, конечно. Мне нужно рассказать о себе? – спросила Робин.

– То, что ты расскажешь, мы и так знаем, – резко оборвал её Альберт.

– А мне вот интересно, правда у тебя 78 200 сольдов? – Ромул облокотился на локти и подался вперёд. Возможно, одним глазом сложнее рассматривать собеседника, тем более при тусклом освещении бара. Но смотрел он прямо в глаза Робин.

– Да, почти так. 78 260 с последним дежурством и контрольной. Но 30 000 достались мне от родителей. Я только 48 260 сольдов сама заработала, – опустил голову, чтобы скрыть довольную улыбку, ответила Робин.

Ромул присвистнул.

– Ромул, здесь две дамы, ведите себя прилично, – Мэрил посмотрела на него строго, а потом ласково на девочку. – Робин, ты вчера была в Сакринстоне. Тебе понравилось?

– Конечно, это лучший город на земле! – Робин знала, как отвечать на такие вопросы.

Почему-то взрослые не поддержали её восторженными репликами. Напротив, они втроём задумались и принялись разглядывать звёзды на потолке. Робин занялась тем же.

Альберт, не поворачивая к ней головы, сказал:

– Робин, ты... умеешь хранить секреты?

– От кого? – удивилась Робин.

Мужчина резко повернулся к ней.

– От Рыцаря Солнца.

Робин собралась ответить, что «у гражданина Республики нет секретов от Рыцаря Солнца», но Мэрил вкрадчиво, как бы подсказывая, добавила:

– Скажи, ты написала родителям про собаку в голубятне твоего дедушки?

Вопрос был настолько внезапен, что Робин тут же ответила:

– Нет.

– Значит, умеешь, – отчего-то весело подмигнув, сказал Ромул.

Мэрил встала. Мужчины поднялись за ней. Потолок почти касался их голов.

– Робин, – мягко сказала Мэрил, – мы ни в чём тебя не обвиняем. Завтра твоя жизнь изменится. Поверь, перемены сделают тебя ближе к родителям.

Робин кивнула.

– Мне можно идти?

– А может, – Ромул обошёл стол и сел на его край, но под взглядом Мэрил тут же вскочил, – у тебя есть вопросы к нам?

– Да, если можно, просто я... никак не пойму... – замаялась Робин.

– Смелее, Робин! – подбодрила Мэрил.

– Из какой вы организации? – выпалила девочка. Мэрил посмотрела на Альберта, но тот, видимо, не собирался отвечать на глупые вопросы маленькой девочки. Тогда Мэрил поверну-

лась к Ромулу. Они кивнули друг другу. «Как маленькие дети, которые задумали шалость», – мелькнуло в голове Робин.

– Рубикам! – вдруг почти крикнул Ромул, вызвав гулкое эхо. – Наша организация называется Рубикам.

И снова Робин поймала себя на мысли, что уже видела эту улыбку.

* * *

После столь странного разговора, где во второй раз она услышала слово Рубикам, Робин захотелось остаться одной. Или, на что она втайне надеялась, – поговорить с Робом наедине. Ведь этим утром была его очередь кормить Бублика. Девочка, несмотря на тесную обувь, побежала к голубятне. Но в каморке Робин нашла только допивающего молоко Бублика и записку на столе:

«Я уезжаю на лето. Я найду способ перевезти Бублика в безопасное место. Пока ухаживай за ним и жди сигнала. Сожги письмо. Роб».

Робин несколько раз перечитала письмо, подняла влажные глаза и беспомощно огляделась. Занятия в школе закончились, впереди тоскливое пыльное лето с чередой дежурств и просмотром скучных телепередач. Эта маленькая комната в голубятне так похожа на её мир – мрачный, пустой, обитый поролоном. И если отсюда забрать Бублика, то совсем никакой радости не останется. Девочка разозлилась на себя за все глупые, постыдные мысли прошлых дней. За привязанность к запрещённому животному, за надежду на дружбу с Робом, за поиск родителей в Сакринстоне, за растерянность в баре «Лунатик». Робин остро нуждалась в совете здорового человека – и она отправилась в школу. Обычно какое-то время от начала каникул учителя ещё работают.

Дверь в кабинет мистера Вурста оказалась не запертой. Робин так волновалась, что забыла постучаться. Учитель что-то писал и не сразу заметил девочку.

– Кхм, мистер...

Учитель резко закрыл тетрадь, убрал в стол и поднял голову. В его глазах загорелись и потухли недобрые огоньки. Губы разъехались в улыбке.

– Робин, милая, лето – время отдыха, а ты приходишь в школу...

– Мистер Вурст, мне надо с вами посоветоваться, – затараторила Робин, боясь, что ей не хватит смелости сказать. – Я хочу знать, чем занимается организация под названием Рубикам.

Мистер Вурст поспешно осмотрел кабинет, задержавшись на дверной ручке. Затем он медленно встал, обогнул стол и оказался прямо напротив девочки.

– Робин, дорогая, – сказал учитель приветливо, но жёстко. – Запомни, если ты хочешь когда-нибудь увидеть родителей и надеешься подарить нормальную жизнь своим детям, держись как можно дальше от организации под названием Рубикам.

– А чем там занимаются? Мы такую не проходили. – Робин хотелось знать больше.

Мистер Вурст сел на стол. «Прямо как Ромул», – подумала девочка.

– Робин, ты лучшая ученица, надежда нашей клетки, – в его словах чувствовалась не гордость, но раздражение. – Так и оставайся таковой! Через год ты будешь на другом краю страны. Почаще вспоминай вчерашний день и забудь о Рубикаме.

Робин поняла, что ничего учитель ей не расскажет.

Да и зачем ей знать то, чего не следует?

– Спасибо, мистер Вурст, – поблагодарила она. – Я побегу, у меня дежурство.

– Вот это хорошо, вот это правильно, – приговаривал учитель, провожая девочку, чтобы запереть за ней дверь.

Робин вышла из школы и подставила лицо солнечным лучам. Ей было хорошо и спокойно. Мистер Вурст напомнил, что у неё есть цель. Самая потрясающая цель. Подумаешь,

одно лето, одна осень, одна зима и одна весна, когда вся оставшаяся её жизнь пройдёт в другом, прекрасном мире. И, если соберётся, то она станет ближе к мечте на тридцать сольдов.

Девочка в коралловом платье бодро шагала к остановке трамвая и думала: «Спасибо Рыцарю Солнца за ясные, как этот день, дороги, которые он создал для нас».

Дневник Роба 2 июня 99 года О. О. Р. Р. С

На все графы большими буквами

ЗАВТРАРУБИКАМЗАВТРАРУБИКАМЗАВТРАРУБИКАМЗАВТРАРУБИКАМ

Глава 6 Дождь и крысы

Поздно вечером, после восьми часов дежурства в госпитале в тесных башмаках, путь от трамвая до квартиры стал для Робин настоящей пыткой.

«Такое наказание во сто крат лучше, чем обнуление сольдов, терпи и радуйся, Робин Локсли», – подумала девочка и демонстративно отвернулась от покосившейся вывески «Луна-тика».

На кухонном столе Робин ждали два письма. Она прочитала первое, от дедушки:

«Робин, солнышко, надеюсь, встреча прошла хорошо.

Что бы ты ни решила, я тебя люблю. Я на заводе. Щенка покормил. Представляю, как ты устала. Завтра у тебя будет новая обувь. Картошка на плите».

Вот откуда дедушке всё известно? И как он умеет так мягко и просто писать о тех вещах, которые для Робин сложны и запутанны, как огромные клубки колючей проволоки на стене города?

Как прошла встреча? Как такая встреча вообще может пройти хорошо?! И да, она и сама чувствовала, что что-то должна решить. Но что конкретно, никак не вырисовывалось в голове. Робин было страшно: вдруг эта та самая проверка, про которую писали родители? А она и про щенка лягнула, и к Вурсту со странными вопросами приставала. Она даже про ботинки так боялась кому-то признаться, что готова терпеть боль в пальцах хоть целый год. И да, она настолько устала, что забыла про Бублика. Или, может, ей не хотелось повторения утренней щемящей боли в груди от осознания своего одиночества. Дедушка покормил и щенка, и Робин, которая ни за что не стала бы готовить себе что-то так поздно.

Второе письмо скрывал ярко-зелёный конверт. На сургучной печати вместо привычного солнечного герба Рыцаря Солнца выделялись две заглавные буквы:

«Р» и «К», переливаясь синим и оранжевым. Робин коснулся тонкий аромат свечей и хвои.

««Р» и «К», «Р» и «К», «Р» и «К», – размышляла Робин. – Что-то знакомое... недавно кем-то сказанное... Вспомнила! “Наша организация называется Рубикам”! И ещё: “Запомни, если ты хочешь когда-нибудь увидеть родителей и надеешься подарить нормальную жизнь своим детям, держись как можно дальше от организации под названием Рубикам”».

Девочка поспешила выбросить конверт в мусорное ведро и включить телевизор. На круглом, как солнечный диск, экране через мгновение возникло улыбающееся лицо диктора. Картошка и отличные новости из Сакринстона – чудесный вечер без лишних переживаний! Ни родителей, ни Винсента Глюнкера в сегодняшнем выпуске не показали. Но зато рассказали о предстоящем торжестве – столетии Республики Рыцаря Солнца. В честь этого события про каждую клетку будут снимать фильм. Разумеется, устроят и парад, и концерт, и привезут парк развлечений, и Рыцарь Солнца лично приедет в каждый город и встретится с многообещающей молодёжью. У Робин при мысли, что с ней может заговорить сам правитель Республики, задрожали коленки, и картошка чуть не вывалилась из лежавшей на них тарелки.

Поужинав, Робин помыла посуду и отправилась к себе. «Чудесный» вечер только начался. Первым вестником продолжения странных событий стал хвойный дух, наполнивший коридор. А уже с порога комнаты она разглядела прямоугольное зелёное пятно на подушке.

– Да сколько их здесь! – возмущённо воскликнула Робин и, взяв конверт двумя пальцами за самый кончик, понесла к плите. Пламя, вырвавшееся из конфорки, танцевало, огибая письмо. Густой, колко-свежий запах щедро разливался по всей квартире.

– Это твои новые духи так пахнут? – отвернувшись от телевизора, спросила этажом ниже соседка Луиза у соседки Изабель, цедившей кофе. И добавила: – Отвратительно.

В высоком серо-синем небе проявлялись первые звёзды.

Буквы «Р» и «К» на конверте пульсировали огненно-красным.

– Я сплю? – мысленно спросила себя Робин. Всё происходящее очень походило на один из её обычных кошмаров. Но когда начался сон? С бара «Лунатик»? С Сакринстона? С Бублика? Тот вечер в голубятне с Робом был всего лишь сном?

Аромат свечей убаюкивал.

– Ну и пусть! – уже вслух заключила Робин. – Пойду лягу в кровать, а потом проснусь и заживу лучше всех! И никто мне не нужен!

Девочка зевнула и снова выкинула письмо (ничуть не удивившись, что в ведре не оказалось предыдущего), дошла до своей кровати, скинула с подушки ещё один конверт, поменяла коралловое платье на старую футболку, забралась под одеяло с головой и уснула.

Её сны этой ясной ночью были пронизаны жгучим любопытством. Робин купалась в фонтане из таинственных писем, поющих «открой нас, открой нас, открой нас». Робин стучалась в дома-конверты, и треугольные двери приветливо распахивались, приглашая войти. А на лавочках перед подъездом сидели буквы «Р» и «К» с сотнями маленьких ротиков, которые, перебывая друг друга, взахлёб рассказывали Робин то, о чём она не хотела знать днём. Девочка зажала уши и закрыла глаза. Но запах хвои окружал её, настолько острый, что щипало в глазах и покалывало в ладонях, громкий, как дверной звонок...

Робин рывком села в кровати. Пыль клубилась в первых солнечных лучах. Пыль новым слоем укрыла все поверхности в комнате Робин: шкаф, стол, стул и тумбочку. На ней зеленел маленький кристально-чистый зелёный прямоугольный островок, ярким пятном напоминая о новой проблеме в жизни двенадцатилетней девочки.

Кто-то звонил в дверь.

– Дедушка? – крикнула Робин.

Нет. У дедушки есть ключи. Звонок повторился. Робин натянула джинсы и подошла к двери.

– Кто там? – спросила она, заглянув в глазок.

За дверью стоял улыбающийся мужчина в мятой яркой рубашке, потёртых джинсах и повязке на левом глазу.

– Это я, Ромул, – бодро ответил он. – Ты получила письмо? Отпирай! А то я тут кое-кого в рюкзаке держу, а этот маленький проказник может наделать шума.

Робин прислонилась спиной к двери. Её била дрожь.

– Уходите! Я вас не знаю! И письмо не получала! – насколько возможно жёстко и громко сказала девочка.

– Как же! – насмешливо отозвался Ромул. – А это? Из комнаты, как по волнам, выплыло письмо.

Робин озарила радостная мысль: это всего лишь сон! И она принялась яростно себя щипать.

– Эй! Уснула, что ли? Опоздаем! – вернул её к реальности настырный голос за дверью.

– Говорю же! Уходите! Я вызову патрульных! Уходите! – срывающимся голосом упиралась Робин.

– Я не уйду! Пойми же ты!

Но этих слов Ромула девочка уже не услышала, потому что убежала в свою комнату и зарылась в одеяло.

Кап-кап-кап.

Начинался дождь. Прямо в комнате Робин.

Это сон. Это сон. Этосонэтосонэтосонэтосон.

Не прекращая убеждать себя, девочка перебралась под кровать.

Голос Ромула настигал сквозь шум дождя:

– Робин, или ты выходишь, или я делаю то, чего очень не хочу делать!

Девочка зажала уши руками. Но глаза зажмурить не успела.

По полу, медленно волоча грузное тело, к ней приближалась крыса. Ещё одна вылезла из-под шкафа, третья прыгнула со стола на стул, вызвав пыльные брызги.

Робин мгновенно покрылась холодным потом. Серое чудовище попыталось перескочить со стула на кровать, но повисло на когтях рядом с головой девочки, чуть не задев её облезлым хвостом. Робин, не помня себя, ринулась к двери, открыла замок и врзлась в Ромула.

– Тихе-тише, спокойно, – мужчина, обняв её, завёл обратно в квартиру. – Не бойся, там их нет и не было. Это иллюзия, магия воздуха, извини. Мне сказали привести тебя любым способом. Успокойся, видишь – сухо кругом, никаких животных, кроме... – Ромул открыл рюкзак. – Бублика!

Щенок прыгнул на колени к осевшей на пол Робин и принялся вылизывать её лицо.

– Так, Робин, – продолжил Ромул. – Времени у нас нет. Быстро укладывай вещи в рюкзак, какие в лесу понадобятся. – Он увидел округлившиеся глаза девочки. – Ладно, сиди здесь с Бубликом, я сам.

Через пять минут Ромул надел на ноги девочки новенькие кеды (да откуда ему-то про башмаки известно?), повесил на плечи собранный рюкзак, в свой посадил Бублика, и они вышли из квартиры. Робин показалось, что звук захлопывающейся двери был таким громким, что его услышали в Сакринстоне.

Глава 7 Площадь встреч

– На, держи письмо, – Ромул протянул Робин злополучный зелёный конверт, когда они уже ехали в трамвае № 2. – Это как пропуск, понимаешь?

– А знаете, что мне мистер Вурст сказал, мой преподаватель по ОБЖ? – не сдавалась Робин.

– Не мистер, а мастер Вурст. Он, кстати, работает в Рубикаме, – прошептал Ромул. – И давай отложим разговоры. Если бы ты была поговорчивей, то я бы всё объяснил в квартире. Пока спрячь письмо – потом прочитаешь.

Робин запихнула конверт в рюкзак и посмотрела в окно. Мимо проплывали одинаковые серые дома. Под ярко-голубым небом они выглядели ещё более удручающими. Пустынные улицы тосковали по людям, которым некогда было насладиться погожим деньком. Республике Рыцаря Солнца нужно много оружия, чтобы противостоять монстрам, и все дееспособные граждане клетки Н8 должны работать на заводах, а недееспособные – лежать в госпитале или сидеть дома и смотреть телевизор, иногда выползая на лавочки перед подъездами, чтобы поговорить с проходящими мимо девочками.

Увидев в окне отражение Ромула, Робин задумалась о побеге. Она понимала, что сейчас, пока этот колдун настоже, – бесполезно. Кто знает, сколько крыс отправятся догонять её. Надо дожидаться, когда он отвлечётся, и, может, ударить чем-нибудь тяжёлым. Нельзя же ему Бублика оставлять...

В окне показался большой грязно-розовый дом с облупившимися колоннами. Лязгнули открывающиеся двери.

– Прибыли, – Ромул потянул Робин за локоть.

Они вышли на остановке «Старый дворец культуры». Девочка ходила сюда несколько раз на День Республики. Но так как это ближайшая к стене остановка, она предпочитала бывать здесь как можно реже. Во всех городах недавно построили новые концертные залы, поскольку в следующем году Республике Рыцаря Солнца исполняется сто лет. А здание старого ДК отдали под склад.

Мимо главного входа и конной статуи Крысолова с отколотым мечом Ромул повёл Робин к незаметной с дороги арке, ведущей во внутренний двор здания. Проход закрывала решётка с причудливым паутинным узором.

– Паучьи ворота, – пояснил Ромул. – Надо сказать, кто ты и зачем пришёл. Если всё пучком-паучком, тебя пропустят.

У Робин появилась надежда:

– Раз мне туда не надо, значит, меня не пустят?

– А ты попробуй, – заговорщицки улыбнулся Ромул.

– Я, Робин Локсли, не знаю и не хочу знать, что такое Рубикам! – торжественно произнесла Робин.

Вдруг со всех сторон решётки набежали маленькие чугунные паучки и выстроились в надпись.

«Добро пожаловать в Рубикам, Робин Локсли из Н8! Перестань вести себя как маленькая девочка».

– ...как маленькая девочка. Что это значит, а, Ро-мул? – раздался за спиной знакомый голос. Робин обернулась и увидела Роба. А он-то что делает в этом странном месте? Может, мальчика тоже заставили? Точно! Альберт, его папа. Он же заодно с Ромулом. Тоже в баре «Лунатик» сидел. Робин вспомнила письмо Роба про то, что тот уедет на всё лето. Её что, тоже так надолго куда-то увезут?

– Роб, всё по плану. Давай уже окажемся внутри, лады? – ответил Ромул и легко подтолкнул Робин. – Чего стоишь? Для тебя уже путь свободен.

Робин, пройдя под сводом арки, оказалась на полукруглой площади, ограниченной со всех сторон стенами ДК с плотно покрашенными окнами. После тишины безлюдного города ей показалось, что взорвалась бомба: голосами, цветами, движением, музыкой. Всё пространство внутреннего двора было заполнено детьми. Они сидели на скамейках, амфитеатром восходящих от арки, в которую вошла Робин, до арки напротив, еле видной за разноцветными автобусами. Дети собирались в большие и маленькие круги, обнимались, пели песни, танцевали, смеялись и плакали, радостно кричали и бежали навстречу только что зашедшим, и снова обнимались.

– Так, держи Бублика, приходи в себя, – как будто разбудил Робин голос Ромула. – Сбежать отсюда ты уже не сможешь.

Девочка взяла щенка на руки и стала подниматься к самой высокой, угловой и незаметной лавочке. Но несколько ребят увидели собаку и подбежали к Робин.

– Я Вира! Можно погладить? – спросила пухлая девочка с двумя торчащими хвостиками и большими бархатисто-кариими глазами под густыми ресницами. Голос у неё был хриплый, как будто она простыла. С шеи свисало несколько бесформенных кулончиков из гладкого мутного стекла.

– Я Робин... да... конечно... гладь.

Другие дети не стали спрашивать разрешения, и Робин внезапно оказалась в центре плотного круга. Она решила поставить Бублика на землю (дети, как приклеенные к щенку, разом присели) и осмотреться. Может, Ромул привёл её не в самое худшее место на земле? Девочка сделала несколько шагов вниз по ступеням и вдруг полетела лицом вперёд. Ободрав ладони, Робин упала у подножия лестницы.

– Ты что-то путаешь, здесь много сольдов не заработаешь, – злорадный голос Марго звучал в полную силу. Робин так удивилась перемене в поведении ненавистной одноклассницы, что не знала, как реагировать на агрессию.

– Чего уставилась? Проваливай! – не унималась Марго.

Робин сказала первое, что пришло в голову:

– А как?

– Как пришла, так и проваливай, и быстро!

– Эй! – вмешалась Вира. – Ты кто такая, чтобы её прогонять?

– Привет клетке G7! Не все спились там ещё? – прохрипела Марго, передразнивая Виру.

Вира толкнула её. Она была ниже Марго и совсем не спортивного вида, но силы у неё хватило, чтобы повалить обидчицу. Робин ошеломлённо переводила взгляд с одной девочки на другую: она никогда не думала, что детям можно драться. Марго встала и пошла на Виру. Но тут же полетела лицом вперёд. Робин также никогда не думала, что умеет ставить подножки. Это получилось само собой, и чего скрывать, это было первое приятное событие за этот день.

– Молодец, подруга! – Вира хлопнула поднимавшуюся с земли Робин по плечу, отчего та слегка осела.

– Если ты думаешь, что тебе и здесь всё можно, то сильно ошибаешься, – вмешался Роб, помогая подняться Марго.

Робин снова почувствовала острое желание сбежать. Ругаться с Робом? С Марго? Зачем? Зачем она вообще здесь? Всё, что с ней происходит, – большая ошибка. Надо срочно найти главного и объясниться.

И тут прямо над ухом раздалась задорная гитарная мелодия. Высокий, с большими руками и голубыми глазами, абсолютно лысый парень громко запел:

А мы только успели собраться,
Как девчонки решили подраться.
Вот уж монстры поджали рожки —
Им красотки поставят подножки!

Вира беспечно захохотала. Она крепко обняла ошалевших Марго и Роба, а потом Робин.

– Привет всем! Я Джон! А8!

– Я Марго, Н8! – она уже строила статному парню глазки.

– Роб Локсли, – протянул руку Роб. – Н8.

– О! Тоже угловые! Будем дружить, – Джон пожал руку Роба двумя широкими ладонями. Его клетка была такая же опасная, но с другой стороны. К тому же в А8 ничего нет, кроме тюрем, куда отправляют преступников со всей страны.

Джон повернулся к Робин и Вире.

– А вы, девчонки?

– Я Вира, эээ... G7, – ей почему-то стало неловко.

– Слушай, если у вас в клетке спирсовые заводы – это совсем не значит, что вы все алкоголики. Ты бы знала, сколько спирса пьют у нас! Да мы половину вашей продукции потребляем!

– Спасибо! Редко такое услышишь, – с искренней теплотой призналась Вира. И вдруг повернулась к Робин.

– А ведь тебя тоже Робин зовут, и этих грубиянов ты явно знаешь, – она кивнула на Роба и Марго. – Значит... Вас трое из Н8, и...

– Двоих зовут Робин Локсли, – закончила Марго. – Вот где ошибка. Тебя, Робин, по ошибке позвали сюда, и только попробуй кому-нибудь рассказать, что здесь видела... иначе я тебя...

– Распределение! Распределение! – заметался над площадью усиленный динамиками голос Ромула. – Пойдём займём очередь, – Вира потащила Робин за руку, чтобы встать подальше от Марго и Роба.

– Куда мы стоим? – удивлённо спросила Робин.

Очереди были привычным явлением в её городе, но тут, на этой площади... не сосиски же раздают...

– Сказали же – распределение, – пояснила Вира. – Нас, новеньких, будет два отряда по шестнадцать человек. Всего шестнадцать чёрных клеток – по два человека с каждой. Лагерь как называется?

– Рубикам, – с привычной готовностью отвечать на вопросы выпалила Робин.

– Вооот. Рубеус и Камелот. Два основателя. Но про них тебе ещё расскажут. Главное, нам с тобой в один отряд надо... и вот с этим парнем, который классно играет на гитаре. И не в тот, в который попадёт эта дылда Марго. Но вы с ней из одной клетки, значит, в разные... хотя... вас же трое... Я запуталась. Стой здесь, я скоро.

Робин подумала, что если уж кто запутался, так это она.

Вира вернулась.

– Джон хочет в камелоты, говорит, что у него целых пять причин не становиться рубеусом. Так, значит, Камелот. Тааак... что мы помним. Вира, думай!

Робин улыбнулась: обычно бабушки разговаривают сами с собой, а тут девочка.

– Вспомнила! – воскликнула Вира. – «Отвага и истина» – это девиз камелотов. Как у тебя с отвагой?

– Вообще никак. Меня не возьмут? – Робин отчего-то стало грустно. Не хотелось так быстро расставаться с Вирой.

– Не знаю, – честно ответила Вира. – Подожди, ты же пришла с собакой. Откуда она у тебя?

– Бублик? Ну... он жил в голубятне моего дедушки, мы его спрятали от патрульных. Они хотели его пристрелить, – начала рассказывать Робин.

– Ага, конечно, ни отваги, ни борьбы за истину – просто ни грамма! – с весёлой издёвкой воскликнула Вира. – Ты, главное, не бойся, всё получится.

Робин огляделась. Оказалось, что она стоит на сцене. Их, новичков, судя по всему, на пяточке внизу площади было гораздо меньше, чем ребят постарше, сидевших на лавочках и наблюдавших за ними. Что за зрелище они собираются увидеть? Чего ждут от неё, Робин Локсли? Наверное, это будет вроде экзамена – зададут вопросы о клетках, об истории, о монстрах... Но тут Робин встретилась глазами с Марго. Та самодовольно улыбнулась, явно предвкушая её позор. Значит, не вопросы. Тогда что? Что ещё умеет Робин, как не хорошо и правильно говорить то, что ожидают услышать?

– Йохан Беккет! – раздался сухой голос Альберта.

Грозного мужчины из бара «Лунатик», отца Роба.

«Час от часу не легче, – про себя ворчала Робин. – Этому человеку я явно не нравлюсь».

Но тут она разглядела сквозь просвет в толпе ребят изумрудно-зелёное платье и успокоилась – Мэрил никого не даст в обиду, это точно.

Щуплый мальчик, очень похожий на цыплёнка в своей жёлтой кепке, подошёл к Альберту и Мэрил. Робин из-за спин детей с рюкзаками не видела, что происходит. Но по реакции зрителей, прекративших разговаривать и начавших пристально следить за происходящим внизу, стало понятно: «представление» началось. Спустя несколько минут часть ребят радостно захлопала и закричала.

– Поздравляю, Йохан, ты теперь рубеус, – объявил Ромул в микрофон, а Альберт передал мальчику оранжевую рубашку. – Джон Бруклед, твоя очередь.

Блестящую голову этого великана было видно с любой точки площади. Робин разглядела, что Джону надевают на глаза какую-то повязку.

Потом Альберт прошептал мальчику что-то на ухо.

Несколько секунд Джон стоял, не двигаясь, а потом резко упал. Но быстро вскочил. Его руки задвигались так быстро, что казалось, они отделились от тела. Джон с кем-то ожесточённо сражался. Медленно продвигаясь вверх по трибунам, он разделялся с невидимой армией. Робин заметила, что никто не смеётся над странным мальчиком, не показывает пальцем, не крутит у виска. Напротив, дети еле удерживают себя на местах, чтобы не броситься на помощь.

– Камелот, шайура его раздери, – услышала Робин раздражённый голос Марго.

Вдруг Джон стрёб в объятия ошалевшую девочку в бандане. Она была почти такого же громадного роста, как он, и держала в руках круглую пустую рамку.

Раздались аплодисменты. Хлопали опять не все – ровно половина ребят.

– Поздравляю, Джон Бруклед, ты истинный камелот! – похвалила его Мэрил и вручила ему синюю рубашку.

После Джона вызвали ещё несколько незнакомых Робин ребят. Она заметила, что перед тем, как кого-то назовут камелотом, проходит больше времени, чем перед вручением оранжевой рубашки. Любопытство внутри неё выросло до такой степени, что заглушило страх. Робин теперь хотелось как можно быстрее узнать, что происходит с детьми, когда у них на глазах оказывается обычный с виду шарфик. Вот уже Вира стала камелотом, а Марго – рubeусом. Теперь Робин точно знала, что хочет синюю рубашку. Но что для этого надо сделать, понятия не имела.

– Робин Локсли! – звонко произнесла Мэрил.

Страх с новой силой захлестнул Робин. Еле переставляя ноги, словно сопротивляясь течению, она вышла в центр площади. Сколько человек смотрят на неё? Сто? Двести?

– Закрой глаза, – приказал Альберт.

– А что будет? – вырвалось у Робин. Но под строгим взглядом мужчины тут же закрыла и глаза, и рот.

Ей повязали колючий, очень старый, пахнущий всем сразу шарф.

«Глупо, как же невероятно глупо я, наверное, смотрюсь», – успела подумать Робин.

Но она даже не представляла, насколько глупо будет смотреться в следующий момент.

– Найди конверт, – послышался рядом шёпот Альберта.

– Какой кон... – хотела спросить Робин, но в следующую секунду необходимость в этом отпала.

Да вот же он! Зеленеет на верхней трибуне! Только куда все подевались? Робин в одиночестве стояла посреди пустынной площади. Ну и экзамен! Чего сложного? Подумаешь! Конверт достать! Робин взялась за лямки рюкзака и решительно направилась к цели. Вдруг под ногами захлопало. Дождя же сегодня не было – откуда лужи? Ой! Горячо! Ногам невероятно горячо! Робин сделала шаг назад. Подошвы кед слегка оплавилась. Она стояла на небольшом твёрдом островке. Вокруг кипел, набухая, лопаясь и выплёвывая вверх язычки пламени, асфальт. На расстоянии прыжка был ещё островок, а дальше уже рукой подать до лавочек, которые выглядят твёрдыми. Только бы конверт не сварился раньше времени! Робин прыгнула. Штанина задымилась, девочка скинула рюкзак с плеч и сбила им зарождающееся пламя. Мешается он, конечно, но не бросать же его в этот асфальтовый суп. Следующим прыжком Робин оказалась на лавочке, едва не соскользнув в серый водопад, ниспадавший с самой верхней трибуны, но удержалась и продолжила путь. Толкаться нужно было сильно, а приземляться точно и аккуратно, но у неё получалось. Только на самой последней лавочке рюкзак перевернул назад, Робин потеряла равновесие и почти всей стопой погрузилась в кипящий поток. Она беспомощно хваталась руками за воздух, отклоняясь всё дальше назад... Но вдруг невидимая сила подтолкнула её вперёд, и девочке удалось встать обоими ногами на твёрдое дерево. Стопу обожгло болью, кед загорелся. Робин быстро скинула его, но пламя перекинулось на штанину.

«Схватить конверт! Быстрее! Тогда всё прекратится!» – откуда ни возьмись появилась в голове Робин мысль.

И точно! Как только в руке девочки оказался заветный конверт, боль ушла. Асфальт застыл. Стало темно, и оглушающий звук аплодисментов окружил Робин.

Кто-то сорвал шарф с глаз. Вокруг сто, нет, двести глаз, ртов, рук. И все смотрят, а половина ещё и кричит, и хлопает. Робин стоит на самой высокой лавочке. Путь, который она преодолела над кипящим асфальтом, был свободен от детей. Они сидели друг у друга на коленях, предоставив ей возможность добраться до заветного конверта.

Робин надела сброшенный кед, спустилась и отдала Мэрил конверт. Та протянула ей синюю рубашку:

– Ты истинный камелот, Робин Локсли.

Ромул похлопал по плечу:

– Я очень горжусь тем, что ты попала в мой отряд. – И мастер мягко направил её в сторону группы детей в синих рубашках. Робин успела сделать несколько шагов, как оказалась зажатой в крепких объятиях Виры и Джона.

– Роб Локсли, – раздался ласковый голос Мэрил. Робин хотела посмотреть, что будет делать одноклассник, но её, видимо, собрались обнять все новые камелоты: девочка с длинными каштановыми волосами, мальчик без двух передних зубов, девочка в круглых очках с толстыми стёклами, мальчик, пахнувший хлебом... Мимо пронёсся Роб, пытаясь поймать кого-то невидимого, но явно очень шустрого. И снова руки, глаза, улыбки...

– Эй! Так нечестно! Я хотел выбрать самый простой вариант и стать рubeусом! – послышался голос Роба.

– Чем именно хотел? – насмешливо спросил его Ромул. – Дружок, у тебя голова с сердцем не в ладу. Разберись с ними. А пока надень, что дают, и будь камелотом.

Роб, насупившись, прошёл мимо Виры и Робин. Но другие ребята, не знавшие о настрое Роба, обступили его. И от обиды мальчика не осталось и следа. Он смеялся, шутил, знакомился и обнимал новых камелотов, как нормальный ребёнок. Точнее, ненормальный. Для их чёрного города.

– По автобусам! Не забудьте положить рюкзаки в отделение для багажа! – пронеслось над площадью. Ребята на скамейках встали, подняли рюкзаки и начали спускаться.

– Я возьму Бублика, – крикнул Роб.

– Нет, я, – возмутилась Робин.

Девочке хотелось, чтобы все думали, что это её собака.

– Бублик, Бублик! – позвал Роб.

– Бублик, скорей ко мне! – позвала Робин.

Дети отступили в разные стороны, образовав коридор. Все желали посмотреть на настоящую собаку по имени Бублик.

Роб и Робин вытянули руки навстречу щенку. Но тут перед ним вышел Джон, присел, заграбастал пса, поднял над головой и поцеловал во влажный нос. Бублик облизал его в ответ.

– Бублик теперь наш – камелотовский! – заключил Джон и зашагал к автобусу. Его тут же обступили другие дети. Бублик, мягкий изворотливый комочек, с удовольствием купался в нерастраченной детской любви.

Густо-лиловый, весь в надписях и рисунках, автобус камелотов напоминал вагончик бродячих артистов из детских книжек. Робин залюбовалась: циферблаты часов, гротескно-искажённые монстры, деревья, мечи и стрелы, костры и улыбающиеся ребята с рюкзаками... Рюкзак! Надо ещё положить рюкзак в отделение для багажа! Робин оббежала автобус, пристроила свой рюкзак с самого края (видимо, последняя) и поспешила к дверям. Навстречу ей выходила Марго в рыжей, очень ей подходящей рубашке. Она нарочно задела Робин плечом.

– Ой, прости, – слащаво извинилась она.

В автобусе свободных мест практически не осталось. Робин увидела незанятое сиденье и хотела приземлиться, но мальчик без передних зубов положил руку:

– Шдесь шсанято!

– А здесь? – спросила Робин у девочки в очках, сидящей за ним.

– Тоже, – резко ответила она.

Робин хотя и знала, что дети её обманывают, но не стала ссориться. Тем более она увидела Виру. Та смотрела в окно.

– Можно сяду?

– Что? А... это ты... ну, садись, – без эмоций отозвалась Вира.

Робин села. Конечно, странно, что дети, только что обнимавшие её, теперь не хотят даже находиться рядом. Но девочка и не рассчитывала на их непрерывное внимание.

Автобус задрожал, задребезжал и тронулся. Робин уставилась в окно. Куда же они поедут? В своей клетке девочка никогда не видела столь яркого транспорта. Назавтра фото автобуса будет во всех газетах. Как его тормозят патрульные. И дети, одетые в странные одинаковые рубашки. И Робин среди них... Что-то подсказывало ей, что сольды за то, что оказалась в столь подозрительной компании, она вряд ли получит.

Но всё оказалось гораздо хуже. Автобус вместо того, чтобы выехать через паучьи ворота в город, поехал к противоположной арке. Она, по расчётам Робин, вела к стене. И действительно, на несколько секунд в автобусе стало темно, потому что с боков, сверху и спереди их окружил бетон.

– Вперёд смотрите, малышня! – Ромул запрыгнул в дверь.

Даже Сакринстон не поразил Робин настолько, насколько вид из лобового стекла автобуса, открывшийся ребятам. Стена впереди растворилась в воздухе.

Младшие камелоты выдвигались последними. Поэтому Робин увидела вереницу разноцветных автобусов, катящихся по гладкой дороге, уходящей в лазурное небо. А по бокам – высоченный, тёмно-зелёный, мохнатый, без конца и просвета лес.

– Парни и девчонки, – торжественно начал Ро-мул. – Хотя нет, лучше так: прекрасные дамы и доблестные рыцари! Сквозь ворота угловой клетки Н8 мы попадаем на дорогу свободы, которая выведет нас прямо к Р-р-р-рубикаму!!!

Дети закричали и захлопали. Робин, ошалевшая от того, что они, по сути, покинули Республику Рыцаря Солнца, выехав за стену, уставилась на Виру, которая радовалась вместе с остальными. Девочке, может, и хотелось бы разделить счастье детей в автобусе, но как можно??? Они же, во-первых, преступники, во-вторых, самоубийцы.

– Что? – резко спросила Вира, заметив её пристальный взгляд.

– Нет, ничего, – ответила Робин, стараясь смотреть теперь мимо неё – на мелькавшие стволы деревьев.

– Может, поговорим? Или в окне что-то очень интересное?

– Вообще-то я леса ни разу не видела!

– Вообще-то я тоже!

Девочки замолчали. Все вокруг, заряженные энергией Ромула, смеялись и болтали. Теперь уже Вира в упор смотрела на Робин. Она была не из тех детей, которые умеют долго держать в себе чувства. Прошло меньше минуты, и слова градом посыпались из неё:

– Робин Локсли, это правда, что ты дочь Бонни и Лана Локсли, предателей, выдавших шакалам Рыцаря Солнца тысячи доверившихся им людей? Это правда, что ты спишь и видишь, как переезжаешь в Сакринстон подальше от наших чёрных клеток?

Дети, сидевшие рядом и услышавшие Виру, обернулись. Их взгляды, острые и холодные, как сосульки, вонзились в Робин. Девочку заколотила дрожь, во рту пересохло, а глазам стало жарко и мокро. Ещё секунда, и покатятся слёзы. Нет! Их никто не увидит. Здесь вообще её

больше не увидят! Да что, в самом деле, она делает в этом автобусе? Почему она едет в противоположную от Сакринстона, от Рыцаря Солнца, от родителей сторону?

Робин встала и пошла вперёд, к выходу.

– Остановите, мне дурно, – выдавила Робин, когда оказалась рядом с водителем. Вид девочки не оставлял сомнений в её плохом самочувствии, и автобус, даже не свернув на обочину, остановился.

Двери разъехались, и девочка, спрыгнув на траву у дороги, побежала в лес.

Робин бежала так быстро, как только могла. Сегодняшний день был сложнее всей её жизни. Казалось, ненужные вопросы, взгляды и мысли сидят на ней, маленькие и цепкие. Но если только набрать нужную скорость... Им не удержаться. Сначала бежать по земле между гладкими стволами сосен было легко. Но потом твёрдую почву сменил топкий мох. Ветки норовили оцарапать, а то и выколоть глаза. Бежать больше не получалось. Робин размашисто шла, вытирая неиссякающие слёзы. Рукав синей рубашки промок насквозь.

Последний солнечный лучик закатного солнца ослепил и скрылся. На лес опускались сумерки. Робин вышла на небольшое открытое место, как ковром, покрытое фиолетовым мхом. Над бархатной гладью изящно возвышались тонконогие поганки с полураскрытыми зонтиками шляпок.

«И растут, главное, таким ровным кругом», – успела подумать Робин.

От стволов отделился силуэт девушки. Её светло-розовые волосы спускались к плечам двумя косичками с вплетёнными цветами. Жемчужно-розовое платье и слёзы на щеках переливались драгоценной россыпью. Кто-то обидел девушку – Робин это сразу поняла и постаралась ободряюще улыбнуться. Ей ведь тоже было плохо. Она знала, каково это, когда всё, что остаётся, – только лить слёзы.

Они стояли около минуты, глядя друг другу в глаза.

Робин почувствовала, как высыхают слёзы на щеках. Обида, нанесённая ей, перестала казаться такой мучительной. Незнакомка тоже приободрилась. Уголки её губ несмело поползли вверх. Девочка ни на секунду не заподозрила в ней кого-то сверхъестественного. Девушка была непрозрачной, настоящей, Робин могла бы в этом поклясться.

Вдруг она услышала позади оглушительный в тишине лесной чащи треск. Черты лица незнакомки исказились. Глаза сверкнули злым негодованием. Девушка открыла рот, и Робин отчётливо увидела несколько рядов маленьких острых зубов. А через мгновение мимо уха девочки нечто просвистело с такой силой, что её развернуло.

Прямо за ней стоял Ромул, сжимавший огромный лук, тетива которого ещё звенела.

– Только что там... – ошеломлённо начала она.

– Была шайура, – закончил за неё Ромул. – И, признаться, странно, что я не собираю твои внутренности с деревьев. Только что ты родилась заново, Робин Локсли! – добавил мастер патетичным тоном. – Смею ли я надеяться, что ты стала умнее?

Робин не знала, что ответить. Она, лучшая в классе, не распознала шайуру!

– Иди за мной, – не дал ей опомниться Ромул и пошёл обратно.

– Я не вернусь в автобус, – не двигалась с места Робин.

– А кто сказал, что мы пойдём к автобусу? – мастер был уже на значительном расстоянии впереди, и Робин, боясь остаться одна, побрела за ним.

Когда лиловый автобус показался сквозь ветки, Ромул резко свернул влево – к густому кустарнику. Раздвинув ветки, он выкатил старенький велосипед.

– До Н8 здесь не больше двадцати минут. Тебя впустят без проблем – ворота заколдованы. Велик оставишь на площади, пройдёшь через паучьи, сядешь на трамвай № 2, и всё будет как раньше. Дети иногда возвращаются, и мы никого не виним.

– А мои вещи? – спросила Робин.

– Вот, я взял с собой, – Ромул спустил рюкзак с плеч и поставил перед Робин.

– А... Бублик?

– А Бублик, как верно заметил Джон, уже камелотовский.

– Да что это значит: камелоты, рубеусы, Рубикам? – не унималась Робин.

– Не скажу.

– Почему?

– Потому что ты выбираешь ничего не знать.

– Нет! Я просто хочу сначала узнать, а потом решить. А меня куда-то тащат, что-то заставляют делать, потом обвиняют. И это я должна выбрать?

Ромул молчал, склонив голову набок, но на его губах обозначились мелкие штрихи складок. Мастер сдерживал улыбку.

– Ответь! Ты меня привёл сюда! Вот и отвечай! – Робин перешла на крик.

Ромул медленно поднял голову и, заглянув в разные глаза Робин, тихо и мягко, как успокаивают маленьких детей, сказал:

– Слушай, рассказать тебе всё, что ты хочешь знать, даже Мэрил не сможет. Но дело не в этом. Дело в том, что тебе просто страшно.

– Да нет же!

– А хочешь скажу, когда мне было страшно?

– Да, – буркнула Робин.

– Когда тебе только повязали шарф. Я ужасно боялся, что ты...

– Свалюсь в кипящий асфальт? Ты тоже видел? – подхватила Робин. Она же ничего не видела, когда другие проходили испытание.

– Нет, я испугался, что ты вспомнишь, что зелёный конверт, – Ромул присел, расстегнул рюкзак и достал письмо из Рубикама, – лежит вот здесь!

– Вот я дурочка! – воскликнула Робин. Как можно было забыть?

– Нет, ты не дурочка. Ты камелот. – И Ромул позволил себе улыбнуться.

– Это почему?

– Потому что мы, камелоты, никогда не ищем лёгких путей. На испытании шепчут на ухо задание. Рубеусы всегда находят способ достичь желаемого, приложив минимум усилий. А камелотам непременно нужно с кем-нибудь сразиться или пройти по краю пропасти.

Робин было хотела сказать, что ей всё равно, но Ро-мул не дал ей открыть рта.

– Так что решай: или ты камелот, который сядет в автобус и поедет квар знает куда и квар знает зачем. Или ты хуже последнего рубеуса и выберешь спокойную жизнь в клетке.

– Я вообще-то перееду через год в Сакринстон!

– Решай!

– А квары тоже здесь есть, как и шайуры?

– Решай!

– А за что вы так не любите рубеусов?

Ромул смотрел на неё единственным глазом, не моргая, протягивая зелёный конверт. Робин сжала губы, вырвала из его рук письмо и порывисто зашагала к дороге. Она удивилась, увидев, что автобус рубеусов всё ещё стоит неподалёку. К нему подъехала небольшая чёрная машина, откуда выскочила худенькая белокурая девочка. Она быстро закинула рюкзак в багажное отделение и запрыгнула в автобус. Машина, развернувшись, поехала в сторону чёрных городов.

«Видимо, не мне одной сегодня непросто далось решение...» – подумала Робин, забираясь в свой автобус.

* * *

– А вы знаете, – сказал Ромул, заходя в автобус после Робин, – кто были мама и папа Камелота, в честь которого вы называетесь?

– Кто? – хором спросили дети.

И лицо Ромула озарила его любимая заговорщицкая улыбка:

– Вот и я не знаю! И как вы смеееете делать вывод о человеке, зная так мало?

Джон заиграл на гитаре что-то весёлое. Вира, как только Робин плюхнулась рядом, сжала её в своих крепких объятиях:

– Извини-извини-извини! Эта Марго такого про тебя наговорила!

Робин после пережитых волнений очень хотелось послушать песни Джона или рассказать Вире о встрече с монстром, но больше всего ей не терпелось прочесть наконец письмо из зелёного конверта.

А мы едем-едем-едем в Рубикам!
Это где-то, где-то, где-то там,
Где нет сольдов, стен, замков и лжи,
Где никто с экранов в уши не жужжит...

Глава 8

Элементарная магия воздуха

Первая часть послания была написана угловатыми крупными буквами:

Робин Локсли, тебе оказали великую честь – стать частью Рубикама. Ты будешь с нами до конца лета. Всё необходимое, чтобы твоего отсутствия не заметили в чёрном городе, мы сделали. В программу лагеря входит обучение следующим дисциплинам:

1. Магия элементов. Преподаватель Геофа Труверс.
2. Магия времени. Преподаватель Альберт Локсли.
3. Монстроведение. Преподаватель Бернар Вурст.
4. Тактика и практика боя. Преподаватель Ромул Флайд.

Тебе предстоит жить в лесу. Так что, во-первых, реши, точно ли ты готова к опасностям. Мы никого и никогда не принуждаем вставать на шаткий путь борьбы за истину («Вот же враньё», – про себя улыбнулась Робин, вспомнив сегодняшнее утро). А во-вторых, возьми с собой всё необходимое, а именно удобную и тёплую одежду и что там ещё нужно девочкам по утрам и вечерам.

Директор лагеря Альберт Локсли.

Продолжение письма больше походило на изящные узоры, чем на текст, но, приглядевшись, Робин различила слова:

Робин, дорогая, я ценю то, что ты с нами. Повторю ещё раз, что в Рубикаме ты будешь ближе к родителям, чем где бы то ни было. Альберт, как всегда, забыл об одной дисциплине, которую я буду преподавать.

5. Магия сердца. Преподаватель Мэрил Ливанкур.

Прошу тебя, подумай до того, как начнутся наши занятия, что находит отклик в твоей душе: пение, танцы, игра на музыкальных инструментах, театр, поэзия, изобразительное искусство или любой другой вид творчества.

И не забудь расчёску.

Директор лагеря Мэрил Ливанкур.

Робин раз десять перечитала письмо, выучив его наизусть. Может быть, тайный смысл спрятался между строк и вот-вот покажется где-то между глазами девочки и исписанным листом бумаги. Как можно быть ближе к родителям, удаляясь от них со скоростью мчащегося с горы автобуса? Зачем изучать столько видов магии, если она запрещена в Республике Рыцаря Солнца? Из нас будут готовить преступников? Мы будем драться? С кем? Что здесь делает мистер Вурст? Или мастер Вурст. И все эти годы я изучала какое-то не то монстроведение? И почему таких маленьких детей везут в лес, если, как я сама убедилась, он кишит монстрами? И что такое отклик в душе?

– Отвисни! Робииин! – Вира слегка потрясла соседку за плечо, отчего Робин ударилась щекой о спинку кресла. – Мы приехали!

Девочки, выйдя из автобуса, оказались на небольшой поляне перед воротами. Стволы сосен казались почти чёрными, но небо не желало отдавать сумеркам редкий в этих широтах ясно-голубой цвет. Вот уже одна тучка запачкала горизонт чернильно-серой кляксой, возвещая начало сезона летних гроз.

– Смотрите! Туда! Мелюзгу вперёд пустите! Да не туда! – наполнили поляну взволнованные голоса. Робин кто-то толкнул, потом потянул, потом развернул, и она оказалась прямо перед высокими двустворчатыми воротами. Они, как и вся ограда лагеря, состояли не из дерева, не из бетона, не из переплетённой проволоки, не из железных листов и даже не из чугунных узоров, а из бесконечного множества шестерёнок, которые пребывали в непрерывном, чарующем движении. Сноп искорок маленькими фейерверками вспыхивали то там, то здесь, то ярче, то бледнее. Над воротами радугой зависли объёмные буквы «РУБИКАМ».

– Элементарная магия воздуха, – глухо прозвучал за спиной голос Роба.

Левая створка ворот, над которой покачивались буквы «РУБ», была оранжевой. Маленькие и большие шестерёнки на ней складывались в рисунок лиса. Он хитро улыбался и хищно смотрел на синего дельфина, который отважно бросался в волны на правой створке ворот под буквами «КАМ».

Вдруг шестерёнки завертелись с удвоенной силой.

Нет, с утроенной! Ещё быстрее. И даже так быстро, что их зубчики слились в размытые кольца. Лис распушил хвост и побежал, дельфин, шустро извиваясь, поплыл вперёд. Встревоженные их энергией створки ворот начали отдаляться друг от друга, открывая детям путь в Рубикам.

Пока они любовались воротами, окончательно стемнело. Робин уже не могла отличить свой автобус, чтобы найти рюкзак.

– Эй, Робин! Здесь останешься? Или двигаем дальше?! Я тут с завидным экскурсоводом! – позвала Вира. Она стояла рядом с Джоном, державшим сразу три рюкзака и гитару.

– Это точно! Сёстры пять лет дразнили рассказами о Рубикаме!

Ребята прошли под покачивающимися буквами. Робин инстинктивно вжала голову в плечи: вдруг её придавит рухнувшей буквой «И». А Джон, напротив, вытянул руку с гитарой, пытаясь дотянуться до надписи. Но буквы резко отпрянули.

– Эй! Да у тебя вся гитара светится! – заметила Вира.

И точно! Десятки маленьких огоньков облепили гитару Джона. Да и всё вокруг вспыхнуло и засверкало тысячами мерцающих точек. Один кусочек света подлетел к ним.

– Ух ты! Светлячок! – воскликнула Вира.

– Точно! Они здесь вместо фонарей, – подхватил Джон.

Справа они проходили длинный двухэтажный белый кирпичный дом с изумрудной крышей.

– Дом Мастеров, – указал Джон своей светящейся гитарой. – Здесь живут директора и мастера, а также проходят некоторые занятия.

– А мне рассказывали друзья, которые уже были в Рубикаме, – добавила Вира, – что по утрам у дома красная крыша. Но Мэрил считает это безвкусным. Так что к обеду крыша начинает зеленеть. Говорят, Альберт ночи не спит, старается, чтобы вернуть всё как...

– Вы лучше налево посмотрите, – перебил Джон. Девочки повернули головы и увидели огромный шатер, сшитый из сотен разноцветных лоскутов.

– Это столовая, – сказал Джон.

– Я тебе дам «столовая»! – с ними поравнялся кто-то из взрослых, пухлый и бойкий. Как и у Ромула, в голосе этого мастера совсем не чувствовалось строгости. – Впредь прошу называть мой Большой Шатёр залой для вкушания яств!

И толстяк с облаком светлячков свернул влево.

– Должно быть, это Луи, мастер поваров, – смущённо проговорила Вира.

Гитара Джона уже высвечивала из темноты небольшое круглое строение.

– А за залой для вкушания яств расположилась Беседка Кошмаров.

– Почему кошмаров? – спросила Робин. Происходящее вокруг потрясло девочку до такой степени, что новые впечатления и новые вопросы вытеснили из головы прежние тревожные мысли.

Джон с Вирой ответили хором, голосом, каким рассказывают детские страшилки:

– Ууувииндиинишь!

– Но не будем о грустном, а проследим за моей суперуказкой, – и Джон вывел в ночном воздухе несколько золотистых петель и указал вправо. – За Домом Мастеров – поле для тренировок. Вот где нас ждёт настоящее веселье!

– Ну, а дальше – самый кошмарный кошмар, – мрачно произнесла Вира. – Дом Рубеусов.

И кивнула на милый квадратный шестиэтажный дом-башню, сложенный из одинаковых гладких брёвнышек. От украшенных цветами окон и балкончиков по стенам спускался аккуратный плющ. На четырёхскатной остроконечной крыше, как скатертью, покрытой вишнево-малиновой черепицей, на самой вершине держал нос по ветру горделивый лис-флюгер.

А внизу, на белоснежных ступеньках его крыльца сидели Вурст и девушка ленивой и надменной красоты. Судя по тому, что Корделия (так к ней обращался бывший преподаватель Робин) делала причёску расположившейся на ступеньку ниже Марго, это были мастера новых рубеусов.

– Вот уж правда – ужас! – согласился Джон, когда они уже почти миновали Дом Рубеусов. – То ли дело наш милый домик.

И мальчик свернул с главной аллеи вправо к квадратному высокому дому, сложенному из досок, выкрашенных во все цвета радуги, облезших, и снова выкрашенных, и снова облезших. Дом Камелотов умудрился покоситься во все стороны света сразу. Даже дельфин-флюгер на верхушке сильно накренился, угрожая в любой момент бесстрашно нырнуть вниз.

На крыльце без перил Бублик, светясь от счастья, подобно светлячкам, встречал вновь прибывших звонким лаем.

– Кто такие? – спросила стоявшая у входа рослая (это значит чуть ниже Джона) девушка с высоким длинным хвостом.

– Робин Локсли, Джон Бруклед и Вира Тадастер, – ответила Вира.

– Робин – девочка или мальчик? – уточнила девушка.

– Мальчик я, Роб Локсли, – недовольно сказал подошедший к крыльцу Роб.

– Я знаю, – деловито произнесла девушка, наклонившись к Робу. – Нас предупредили, а я уточняю.

Проходите, а сварливость оставьте за дверью. Первокурсники живут на шестом этаже.

– Эй, Роб, – обратился к нему Джон, когда они приступили к подъёму по лестнице. – Давай-ка разделим ношу! – И он кинул Робу рюкзак Робин.

Мальчик нехотя потащил поклажу по деревянной винтовой лестнице, нарочно ударяя чужой рюкзак о ступеньки. На всех этажах происходила радостная, цветная суматоха. Робин увидела, как на третьем этаже сам собой разгорелся камин, а на пятом подушка подлетела к рыжему мальчику и крепко обняла. Дом, как живой, окнами, дверями, каминами, половицами, покрывалами, чем и как мог радовался заполнившим его детям.

– Фуууф, наконец-то шестой, – сбивчиво дыша, объявила Вира.

Робин шагнула на синий ковёр с длинным ворсом, который трепетал и колыхался, приветствуя маленьких камелотов. В камине уже вовсю танцевали пламенные всполохи.

– Так! Робин, Роб и Джон! – прошёл мимо них Ро-мул и начал спускаться по лестнице. – Рюкзаки кинули и за мной, вниз!

– Эй! А чего? – заупрямился Роб.

– А ничего! Помощь нужна! Там монстры брешь в заборе пробрили! – мастер резко обернулся и посмотрел на ребят испуганным выпученным глазом.

– Ромул, прекрати! – послышался мягкий мелодичный голос. – Ундина. Ваш второй мастер, – представилась девушка с волнистыми тёмно-зелёными волосами. – Не бойтесь, вам просто надо принести сюда ещё одну кровать.

– Догадываюсь, кому не хватило, – пробурчал Роб, исподлобья взглянув на Робин.

Спустившись с крыльца Дома Камелотов, они прошли мимо Дома Рубеусов и небольшого сарая и вышли на поле для тренировок. Слева сквозь прогал в деревьях поблёскивало озеро, на берегу которого чёрным силуэтом выделялась небольшая башенка с крошечным пульсирующим красным огоньком наверху.

Но Ромул вёл их через поле в сторону ограды – в темноту леса. Вот уже справа они миновали Дом Мастеров. Небо плотно затянуло облаками, и без светлячков, которые почему-то отстали, ничего не было видно.

«Может, правда брешь?» – успела подумать Робин и чуть не врезалась в возникшее из темноты дерево. Дальше она шла, вытянув руки вперёд и ощупывая темноту впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.